386-7-57

ТУРЦІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

DE

563
30

ТУРЦІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕЕ

И

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

8IV-87
6812-X

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

СОБРАННОЕ ИЗЪ ДОСТОВѢРНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ,

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ,

Н. Поляковымъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Сентября 30 дня, 1854 года.

Цензоръ *М. Похвиснев*.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

45479-60

ТУРЦІЯ

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕЕ И НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

I.

НАЧЕРТАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ИСТОРІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Турція получила свое названіе отъ народа, обитавшаго нѣкогда на восточной сторонѣ Каспійскаго моря, въ горахъ Алтайскихъ, — народа, предкомъ котораго почитаютъ Торка, старшаго сына Афетова. Орда Курдовъ, подъ названіемъ Турокъ или Туркомановъ, долгое время слабая и неизвѣстная, сдѣлалась впослѣдствіи страшнымъ и знаменитымъ народомъ.

Въ началѣ VII столѣтія, при Халифахъ, преемникахъ и послѣдователяхъ Магаммеда или Магомета, этого хитраго, честолюбиваго обманщика, произведшаго своимъ лжепророческимъ ученіемъ, съ мечемъ въ рукѣ, такой великій переворотъ въ Азіатскомъ мірѣ, — Аравитяне съ изумительною быстротою распространили свое владычество отъ Востока до Запада. Побѣжденные ими народы сдѣлались ихъ товарищами и вмѣстѣ орудіями новыхъ побѣдъ ихъ. Такимъ образомъ, Аравитяне чѣмъ болѣе завоевывали областей, тѣмъ болѣе имѣли средствъ покорять другія.

Аравитяне покоряютъ Сирію, Персію, Палестину, Финикію, Египетъ, Арменію, Кипръ и Родосъ, и проникаютъ до предѣловъ Нубіи. Они образуютъ морскую силу, грабятъ и опустошаютъ берега Малой-Азіи; императоръ Византійскій покупаетъ у нихъ свою самостоятельность за 3,000 фунтовъ золота ежегодною данью. Наконецъ Аравитяне расширяютъ предѣлы своего государства до древней Карѳагенской области, переправляются черезъ море въ Испанію и рѣшаютъ судьбу Вестготѳской

монархіи, переходятъ Пиренеи, наводняютъ собою Францію и угрожаютъ Европѣ новой религіей!

Аравитяне, всегда независимые, подчиняли все своему желѣзному скипетру до тѣхъ поръ, пока онъ не раздавилъ ихъ собственною своею тяжестію. Около половины VIII столѣтія, этотъ бурный потокъ остановился — Аравія истощилась. Правители обширной имперіи халифовъ не хотѣли сражаться за Аравитянъ и стремились къ независимости. Халифы Багдадскіе приняли къ себѣ Турокъ, какъ вспомогательное войско. Эти наемные помощники воспользовались шаткимъ положеніемъ халифата и покорили тѣхъ, кого пришли защищать. Турки овладѣли Азіатскими областями и уничтожили власть халифовъ, до такой степени, что титулъ халифа былъ уже пустымъ только именемъ — безъ власти царской; тогда-то возникло множество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ подъ управленіемъ султановъ, которые носили на себѣ названіе эмировъ-эль-омра. Турки, составлявшіе въ это время преторіанскую стражу халифовъ, слѣ-

лались тиранами своихъ властителей, и ниспровергнувъ ввѣренной ихъ защитѣ престолъ, изъ остатковъ онаго образовали впослѣдствіи новое государство.

ОСМАНЪ I.

ОСНОВАНІЕ ОТТОМАНСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Османъ или Оттоманъ (1289 г.), отъ котораго Турки и получили названіе Оттомановъ, служившій прежде у султана Иконійскаго, Аледдина III, получивъ отъ него знаки княжескаго достоинства, знамя, бубны и бунчугъ (конскій хвостъ) за оказанныя имъ Аледдину важныя услуги въ войнѣ противъ Грековъ, по смерти Аледдина овладѣлъ Иконіею и распространилъ далеко свои завоеванія въ Азіи и Европѣ.

Когда Османъ объявилъ своимъ воинамъ, что онъ намѣренъ идти на дальнѣйшія предпріятія, опытный дядя его, Дюндаръ, сталъ ему противорѣчить. Воспламененный яростію неограниченнаго владыки, не терпящаго ни-

какихъ возраженій, племянникъ схватилъ свой лукъ и застрѣлилъ девяносто-лѣтняго старца. Съ этого времени начался необозримый рядъ походовъ для пріобрѣтенія добычи и завоеваній, который велъ ненасытныхъ варваровъ все далѣе и далѣе.

ОРХАНЪ.

Такимъ образомъ вся Малая-Азія взята была Турками. Прибрежныя земли, съ которыми какъ христіанская, такъ равно и классическая древность стали добычею равнодушныхъ варваровъ, исполненныхъ презрѣнія ко всему тому, чего они не знали. Османъ умеръ въ 1326 году, и только-что завоеванная тогда Брусса сдѣлалась столицею его сына и преемника Орхана или Урхана. Этотъ государь, первый въ своемъ родѣ, пользовался двумя верховными державными правами ислама, то-есть билъ монету съ своимъ значкомъ, и имя его произносилось во время общественной молитвы въ пятницу; онъ же далъ Османскому царству первыя государственныя учрежденія.

Никодимія и Никея впали въ его руки. Орханъ имѣлъ въ супружествѣ христіанскую княжну, дочь Іоанна Кантакузена, которому онъ помогъ одержать побѣду и войдти въ Константинополь. Солиманъ, сынъ Орхана, распространилъ свои завоеванія за Дарданеллы; изъ числа важнѣйшихъ былъ Галлиполь (Галлиполи), ключъ Геллеспонта и складочное мѣсто греческой и западной торговли.

МУРАДЪ I.

Солиманъ умеръ еще прежде отца отъ паденія съ лошади, и по смерти Орхана (1359) наслѣдовалъ ему младшій братъ, Мурадъ I-й. Онъ завоевалъ всю землю отъ Геллеспонта до Балкана, и въ 1361 году взявъ Андріанополь, избралъ его себѣ главнымъ мѣстопребываніемъ. Распространеніе мусульманъ должно было пробудить если не всю остальную Европу, то покрайней мѣрѣ, близъ-лежащія земли, и когда папа Урбанъ V объявилъ Крестовый Походъ противъ Турокъ, Венгерскій король Людовикъ Великій соединился съ Сербами,

Босняками и Валахами для войны противъ врага, всѣмъ угрожающаго. Но они были разбиты, и Славянскіе народы между Дунаемъ и Адріатическимъ моремъ, одинъ за другимъ, или сдѣлались данниками Порты, или совсѣмъ ей покорились. Всеобщее возстаніе Сербовъ, Босняковъ и Болгаровъ въ 1389 году еще разъ угрожало османскому владычеству въ Европѣ, но кончилось совершеннымъ порабощеніемъ Болгаріи. Османы одержали при Коссовѣ рѣшительную побѣду, но султанъ Мурадъ былъ убитъ однимъ Сербомъ на полѣ сраженія. Умирающій Мурадъ насытился еще зрѣлищемъ казни, совершенной предъ его глазами надъ Лазаремъ, плѣннымъ царемъ Сербскимъ.

УЧРЕЖДЕНІЕ ЯНЫЧАРЪ.

Орханъ образовалъ правильную, постоянную пѣхоту, въ такое время, когда христіанская Европа еще не имѣла ея, — знаменитыхъ янычаръ, которые долго были ужасомъ враговъ, часто и самихъ султановъ, и наконецъ,

заразившись порчею вмѣстѣ съ государствомъ, которое они сдѣлали великимъ и могучимъ, усовершенствованные Мурадомъ I, истреблены были въ наше время, чтобы уступить мѣсто новому порядку вещей. Янычары выбирались прежде изъ отборныхъ отроковъ между осужденнымъ на плѣнъ христіанскимъ народонаселеніемъ завоеванныхъ областей, принуждаемы были къ тройному отреченію—отъ родителей, отечества и вѣры, воспитываемы въ исламизмѣ и воинскихъ упражненіяхъ, и такимъ образомъ составляли ядро военной силы своихъ повелителей. Впослѣдствіи, для пополненія дружинъ янычарскихъ, требовалась правильная дань мальчиками съ покоренныхъ христіанъ.

БАЯЗЕТЪ I.

Когда Баязетъ I, на бранномъ полѣ при Коссовѣ, наслѣдовалъ своему убитому отцу, первымъ его дѣломъ было казнить единственнаго своего брата. Жестокость, несправедливость и безчеловѣчіе ознаменовали и дальнѣйшія

дѣйствія его правленія. По кровавымъ побѣднымъ слѣдамъ своихъ предковъ, онъ шелъ съ усиленною еще скоростію. Быстрота побѣдъ его надъ христіанами и мусульманами, отъ Дуная до Евфрата, доставила ему применованіе Молніи (Ильдеримъ): онъ проникъ сперва за Дунай, потомъ овладѣлъ почти всѣми принадлежавшими еще Византійцамъ мѣстами во Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи, вторгнулся въ Грецію, прошелъ безъ сопротивленія Ѳермопилы и взялъ приступомъ Аргосъ, между-тѣмъ какъ его всадники простерли набѣги свои до самой южной оконечности Пелопоннеза; послѣ того онъ обратился на Востокъ и покорилъ своей державѣ бо́льшую часть Малой-Азіи, занятой турецкими князьями.

Туча приближалась грознѣе и грознѣе, и король Венгерскій Сигизмундъ старался подкрѣпить себя помощью иноземною. Особенное посольство, отправленное во Францію, изображеніемъ свирѣпости и кровожадности Турокъ противъ злополучныхъ христіанъ тронуло и поколебало всѣ сердца, и особенно нашло участіе и подпору у Филиппа Смѣлаго, гер-

цога Бургундскаго. Сигизмундъ вывелъ противъ Турокъ 60,000 воиновъ, армію довольно сильную и храбрую для одержанія побѣды, если бы надмѣнность и разногласіе не ввергнули ее въ погибель. Французскіе рыцари безразсудно хвалились, что они копьями своими удержатъ небо, если бы оно стало падать. Походъ начался осадою занятаго Турками Никополиса. Баязетъ подоспѣлъ на помощь осажденнымъ. Рыцари сперва не хотѣли даже вѣрить этому извѣстію; когда же не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, они приготовились къ бою (28 сентября 1396 г.) съ безпорядочною торопливостію. Напрасно Сигизмундъ убѣждалъ Французовъ, чтобы они не тратили своей силы противъ появившихся впереди легкихъ турецкихъ всадниковъ, а поберегли ее противъ янычаръ и спаговъ. Рыцари сочли это оскорбленіемъ своей чести, и бывъ сверхъ того несогласны между собою, ринулись на непріятеля съ безумною отвагой. Тысячи падали отъ ихъ храбраго натиска, строй за строемъ были прорваны, янычары побѣжали, и сраженіе было бы выиграно,

если бы рыцари, въ упоеніи побѣды, не разсѣялись прежде, чѣмъ достигли запасныхъ полковъ Баязета, имѣвшаго въ нихъ еще сорокъ тысячъ ратниковъ. Когда наконецъ, утомленные сраженіемъ, христіане увидѣли эту фалангу, мужество имъ измѣнило. Большая часть изъ нихъ въ ужасѣ обратила тылъ, только немногіе искали честной смерти и нашли ее, дорого продавъ жизнь свою; но и бѣгущихъ настигла погибель. Графъ Неверскій и двадцать четыре знатнѣйшіе сподвижника его взяты были въ плѣнъ. Напрасно Сигизмундъ съ дружиною вѣрныхъ Венгровъ произвелъ мужественное нападеніе: Сербы, сражавшіеся за Турокъ, рѣшили судьбу этого дня. Король спасся на лодкѣ, быстро спустившись по Дунаю; онъ благополучно достигъ венеціанскаго флота, стоявшаго въ Черномъ морѣ. На слѣдующее утро, обозрѣвая поле битвы и видя шестьдесятъ тысячъ убитыхъ воиновъ своихъ, Баязетъ плакалъ отъ ярости и рѣшился за погибель столь многихъ Турокъ излить месть свою на плѣнниковъ. Отдѣливъ знатныхъ Французовъ въ ожиданіи богатаго

за нихъ выкупа, султанъ велѣлъ предъ своими глазами начать страшную сѣчу, и уже кровь десяти тысячъ плѣнныхъ пролилась предъ нимъ, когда вельможи его пали къ ногамъ его, умоляя о пощадѣ остальныхъ; насытившись кровію, Баязетъ согласился на ихъ просьбу. Графъ Неверскій и его товарищи получили свободу изъ тяжкаго плѣна выкупомъ въ двѣсти тысячъ червонныхъ.

Византійскій императоръ Іоаннъ V (1355—1391 г.) и сынъ его и преемникъ Эммануилъ (до 1425 г.) были уже дѣйствительными данниками султановъ. Іоаннъ VI обязался платить гордымъ Османамъ ежегодную дань въ десять тысячъ червонныхъ и позволилъ устроить мечеть и турецкое судилище въ Константинополѣ; но спустя нѣсколько лѣтъ, Баязетъ безъ околичностей потребовалъ уступки самаго города, и когда въ томъ ему отказали, онъ вторично осадилъ его.

Въ этомъ предпріятіи Баязетъ вскорѣ остановленъ былъ приближеніемъ страшнаго завоевателя; это былъ Монголъ Тимуръ-Ленкъ то-есть Тимуръ Хромой или Тамерланъ, пото-

мокъ Чингисхана. Тимуръ, величаемый у своего народа Завоевателемъ міра, отличался отъ Баязета уваженіемъ къ азіатской образованности и къ мужамъ ученымъ, особенно любилъ врачей, астрономовъ и законовѣдцевъ. Съ нимъ-то Баязетъ вступилъ во вражду, принявъ у себя князей, изгнанныхъ Тимуромъ; между-тѣмъ какъ у Тимура находили покровительство Мало-азіатскіе владѣтели, гонимые Баязетомъ. Съ гордостію и насмѣшками Баязетъ принялъ и отпустилъ пословъ Тимура. Послѣдній двинулъ свои полчища и взялъ Сивасъ, въ то время одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ городовъ Малой-Азіи. Ужасныя злодѣйства сопровождали это завоеваніе. Сынъ Баязетовъ, попавшійся въ руки завоевателю, былъ казненъ. При этой страшной вѣсти Баязетъ съ ярости и скорби отступилъ отъ Константинополя и пошелъ въ Малую-Азію. При Ангорѣ, въ древней Галатіи, оба войска, вмѣстѣ до милліона человѣкъ, сошлись для рѣшительнаго боя. Онъ происходилъ 20 іюля 1402 г., и Тимуръ остался побѣдителемъ. Баязетъ взятъ былъ въ плѣнъ; сначала при-

нятъ великодушно, но послѣ неудачнаго покушенія бѣжать, отданъ подъ крѣпкую стражу, гдѣ и умеръ. Это было самое благопріятное время для истребленія власти Османовъ, или покрайней мѣрѣ, для изгнанія ихъ изъ Европы. Но христіане, въ вяломъ бездѣйствіи и неизвинительномъ равнодушіи, пропустили драгоцѣнныя мгновенія. Императоръ Эммануилъ, который, по возвращеніи изъ путешествія, опять занялъ престолъ Константинопольскій, — не былъ рожденъ для великихъ предпріятій и подвиговъ, а Западъ былъ слишкомъ запутанъ въ свои собственныя, безпрестанныя ссоры и распри и потому не могъ думать объ опасностяхъ, грозившихъ ему не прямо, а издалека.

МАГОМЕТЪ I И МУРАДЪ II.

Одинъ изъ сыновей Баязета, Магометъ I, по смерти падшихъ на войнѣ братьевъ своихъ въ 1413 году, вновь соединилъ державу отца своего и снова покорилъ турецкихъ эмировъ въ Малой-Азіи. Правосудіе, добро-

совѣстность и кроткій нравъ Магомета заслужили похвалу историковъ; онъ жилъ въ добромъ согласіи съ императоромъ Эммануиломъ, который, конечно, заслуживалъ его дружбу своимъ бездѣйствіемъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Эммануилъ поссорился съ преемникомъ Магометовымъ Мурадомъ II (1421—1451), который снова обложилъ Константинополь и хотѣлъ взять городъ приступомъ; однако Османы въ этотъ разъ были отбиты. Эммануилъ умеръ въ 1425 году, и его сынъ Іоаннъ VII держался на престолѣ единственно данью, платимою Туркамъ. Мурадъ велъ войну съ Венгріею, и послѣ упорнаго боя заключилъ съ Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ и Польскимъ, выгодное перемиріе на десять лѣтъ. Мурадъ, не чуждый чувствованіямъ справедливости и человѣколюбія, сложилъ съ себя правленіе и передалъ оное четырнадцатилѣтнему сыну Магомету; самъ же онъ удалился съ своими вѣрнѣйшими друзьями въ Магнезію, чтобы наслаждаться тамъ спокойствіемъ и удовольствіемъ жизни.

Едва перемиріе было заключено, какъ дворъ

Венгерскій получилъ письма отъ кардинала Кондолміера, верховнаго адмирала надъ союзнымъ христіанскимъ флотомъ въ Геллеспонтѣ, и отъ Греческаго императора, которыми извѣщали, что безпокойные Караманы опять подняли оружіе, что флотъ воспрепятствуетъ переходу султана въ Европу и въ другой разъ не воротится. Перемиріе же съ Турками было подтверждено присягою, но кардиналъ Юліанъ заглушилъ возраженія совѣсти обольстительнымъ блескомъ своего краснорѣчія, руководствуясь гнуснымъ правиломъ, что не должно соблюдать слова, даннаго невѣрнымъ, и столь же ложно утверждая притомъ, что Венгрія, безъ согласія папскаго престола и прочихъ союзныхъ державъ христіанства, не имѣла права заключать перемирія съ Турками. И такъ положено было начать войну, безсовѣстную и пагубную по ея слѣдствіямъ.

Мурадъ, узнавъ о нарушеніи мира, воспрянулъ отъ дремоты наслажденій и съ сорока тысячами воиновъ на купеческихъ судахъ вѣроломныхъ Генуэзцевъ переправился чрезъ Босфоръ, между-тѣмъ какъ союзные христі-

анскіе корабли стояли въ Геллеспонтъ. За перевозную плату по червонцу съ человѣка, продажныя души предали своихъ христіанскихъ братьевъ на жертву Туркамъ, и такое гнусное дѣло, къ сожалѣнію, повторялось потомъ неоднократно. Въ венгерскомъ станѣ возникъ вопросъ — что̀ теперь дѣлать. Нѣкоторые совѣтовали немедленно отступить къ Дунаю; кардиналъ полагалъ, что должно укрѣпить станъ и въ немъ обороняться, пока подоспѣетъ помощь, но король и Гуніади, воевода Семиградскій, желали битвы. Она произошла при Варнѣ 10 ноября 1444 года противъ врага, вчетверо сильнѣйшаго. По рядамъ турецкихъ воиновъ носили привязанную къ копью грамоту нарушеннаго договора, какъ бы призывая Божество на защиту праваго дѣла. Уже храбрость христіанъ разбила линію Турокъ, уже Мурадъ поворотилъ своего коня для бѣгства и остановился только потому, что Беглеръ-Бекъ Азійскій схватилъ лошадь его подъ уздцы, когда король Владиславъ не вѡ-время удовлетворилъ желанію своихъ польскихъ тѣлохранителей и повелъ

ихъ въ битву. Янычары, на которыхъ онъ налетѣлъ, сначала отъ удара поколебались; но когда Поляки проникли до рва, выкопаннаго Турками передъ своею позиціею, непріятельская пѣхота въ превосходномъ числѣ окружила ихъ и всѣхъ побила. Король упалъ на землю съ своимъ раненымъ конемъ; старый янычаръ отрубилъ ему голову и воткнулъ ее на копье. Пораженіе христіанъ было теперь рѣшено; бо́льшая часть побѣжденныхъ искала своего спасенія въ бѣгствѣ, въ томъ числѣ и Гуніади. Главный виновникъ всего несчастія кардиналъ Юліанъ достигъ Дуная, но былъ убитъ Валахомъ, который перевозилъ его на лодкѣ чрезъ рѣку и увидѣлъ у него золото.

Мурадъ возратился въ Магнезію на покой, но опять долженъ былъ отъ него отказаться, и въ третій разъ вступилъ на престолъ, когда мятежъ янычаръ потребовалъ содѣйствія его мощной руки. И Венгерская война, которую Гуніади, по смерти Владислава, поставленный правителемъ государства, продолжалъ неутомимо, обращала на себя все вниманіе Мурада.

Впрочемъ, его числительное превосходство, въ трех-дневной кровопролитной битвѣ на Коссовомъ полѣ (17—19 октября 1448 г.), которое уже однажды возвеличило славу турецкаго оружія, доставило ему новую побѣду надъ венгерскимъ полководцемъ и его храбрыми дружинами.

МАГОМЕТЪ II.

ВЗЯТІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Магометъ II уже дважды восходилъ на престолъ и дважды долженъ былъ уступать его отцу; въ третій разъ по смерти послѣдняго (1451 г.) сдѣлался полнымъ властелиномъ державы. Онъ началъ кровавое поприще, немедленно послѣ смерти отца своего, братоубійствомъ. Мурадъ довольствовался данничествомъ Византійскаго императора, и по смерти Іоанна VII (1448 г.) утвердилъ его брата и законнаго преемника Константина, бывшаго дотолѣ деспотомъ Лаконійскимъ, въ обладаніи скудными остатками державы, которые

младшій братъ Димитрій хотѣлъ у него оспоривать. Такимъ образомъ несогласіе и братская вражда раздѣляли Грековъ до самаго конца ихъ политическаго бытія. Конецъ этотъ теперь былъ уже не далекъ, потому-что Магометъ твердо рѣшился сдѣлать Константинополь столицею Османской имперіи, и наконецъ объявилъ Грекамъ войну.

Магометъ въ сентябрѣ 1452 года началъ приготовленіе къ осадѣ; онъ ревностно занимался всѣмъ, что̀ казалось нужнымъ для достиженія его цѣли. Венгерскій пушечный мастеръ, которому худо заплатили въ Константинополѣ, предложилъ ему свои услуги и отлилъ родъ мортиры, которая, по увѣренію одного современника, могла бросать каменныя ядра въ тридцать шесть пудовъ *. Ее везли сто воловъ, и она могла стрѣлять только семь разъ въ день; впослѣдствіи ее разорвало во время дѣйствія и убило мастера, который ее отлилъ. Достопамятная осада Константинополя началась 6-го апрѣля 1453 г.

---

* Гаммеръ.

Войско, приведенное Магомстомъ подъ городъ, состояло изъ двухъ сотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ слишкомъ, а за стѣнами его Константинъ долженъ былъ услышать безутѣшную вѣсть, что для обороны у него только пять тысячъ человѣкъ, способныхъ владѣть оружіемъ. Съ ними и съ тысячами двумя наемниковъ надлежало устоять противъ несмѣтныхъ полчищъ. Іоаннъ Джустиніани, съ девятью стами человѣкъ, присланный на помощь Генуэзскою Республикою употребилъ все свое искусство, чтобы при такихъ скудныхъ средствахъ, за стѣнами, пришедшими въ ветхость, сдѣлать оборону возможною. Грекамъ всего болѣе благопріятствовало то, что на Константинополь должно было нападать и съ моря; и хотя Турки много имѣли кораблей, но всѣ они худо были построены и снабжены неопытными матросами. Между-тѣмъ какъ военныя машины древняго и новаго времени уже сильно потрясали стѣны, явился второй вспомогательный отрядъ, состоящій изъ пяти генуэзскихъ кораблей. Они отважились вступить въ бой со ста пятидесятью турецкими,

которые хотѣли преградить имъ путь; опытность и мужество генуэзскихъ мореходцевъ одержали побѣду. Магометъ, смотрѣвшій на битву съ берега, уговаривалъ, обѣщалъ, грозилъ и наконецъ внѣ себя отъ ярости пустился на конѣ своемъ въ море. Напрасно, онъ долженъ былъ видѣть, что его суда бѣжали, и христіане вошли въ пристань. И такъ, были еще средства спасти Константинополь; только, къ несчастію, ихъ не употребили въ дѣло. Магометъ, видя, что онъ не возьметъ города, не овладѣвъ гаванью, извнѣ запертою толстыми цѣпями, придумалъ и выполнилъ смѣлый планъ, именно перетащилъ часть своихъ кораблей сухимъ путемъ изъ Босфора чрезъ свободное пространство, между Константинополемъ и Галатою. Неровный и холмистый путь, составляющій около двухъ миль, устланъ былъ досками; доски покрыты были саломъ, и въ одну ночь семьдесятъ большихъ лодокъ и нѣсколько меньшихъ счастливо перевезены были въ гавань. Сколько велика была радость Турокъ, столь же велико смущеніе Грековъ. Джустиніани хотѣлъ ночью

сжечь корабли, но планъ его, хорошо обдуманный, не удался. Генуэзскіе жители Галаты, вѣроломно продавая свою дружбу той и другой сторонѣ, открыли Туркамъ грозившую имъ опасность.

Ударилъ послѣдній часъ Константинополя. Его скудныя оборонительныя средства болѣе и болѣе истощались; и между-тѣмъ какъ разъяренный врагъ громилъ его стѣны, внутри города язва раздора истощала послѣднюю силу. Знатные Греки смотрѣли съ досадою и недоброхотствомъ на заслуги Джустиніани. Флотъ непріятеля былъ въ гавани, его сухопутное войско во рвахъ подъ стѣнами, въ которыхъ открытъ былъ уже широкій проломъ. По астрологическимъ бредиямъ, Магометъ назначилъ 29-е мая для приступа; онъ воспламенялъ мужество своихъ воиновъ обѣщаніемъ плѣнныхъ и добычи; себѣ хотѣлъ онъ взять только зданія. Наканунѣ роковаго дня, императоръ Константинъ, достойный лучшихъ временъ и лучшаго жребія, простился съ своими сподвижниками. Всѣ обнимали другъ друга со слезами, потому-что судьба, каза-

лось, ничего не оставляла имъ, кромѣ славной смерти. Враги двинулись на приступъ, имѣя, конечно, въ пятьдесятъ разъ болѣе войска, чѣмъ Греки, и однако въ продолженіе двухъ часовъ не могли сдѣлать никакихъ успѣховъ, до такой степени важность дня возвысила силы осажденныхъ. Тогда Джустиніани, душа всей обороны, былъ раненъ; обезпамятѣвъ и упавъ духомъ, онъ поспѣшилъ въ Галату.—Велю только перевязать себѣ рану, отвѣчалъ онъ императору, который просилъ его остаться, но онъ уже не возвращался. Его удаленіе распространило робость. Турки, замѣтивъ эту перемѣну, удвоили свои усилія и вломились въ городъ. Наступила минута паденія развалинъ Греческой имперіи, но она не была омрачена позоромъ и малодушіемъ послѣдняго ея императора. Константинъ Палеологъ палъ доблестно въ бою. Его трупъ въ грудѣ убитыхъ узнанъ былъ по багряной обуви съ вышитыми золотомъ орлами, и отрубленная голова принесена побѣдителю, который всенародно выставилъ ее на столбѣ. Около двухъ тысячъ христіанъ были побиты,

остальное народонаселеніе пощажено болѣе по алчности къ добычѣ, нежели по человѣколюбію завоевателей. Всѣ жители считались военноплѣнными, и кто не могъ заплатить выкупа, того продавали въ неволю. Имущество отдано было на разграбленіе войску, но разрушительная рука не смѣла коснуться зданій. Магометъ хотѣлъ впредь самъ сидѣть на престолѣ Константинопольскомъ. Соборъ Св. Софіи, дотолѣ первенствующій храмъ Греческой имперіи, обращенъ былъ въ мечеть, и это обстоятельство показывало самымъ явственнымъ образомъ, что враждебная христіанству вѣра господствуетъ теперь въ городѣ, который построенъ былъ его основателемъ подъ хоругвію креста, какъ великій побѣдный памятникъ его славы.

Европа услышала сію вѣсть съ прискорбіемъ и ужасомъ; нельзя было ожидать, чтобы властолюбіе Магомета удовлетворилось, и событія скоро доказали справедливость этого опасенія.

Магометъ, въ гордомъ намѣреніи пронести побѣдный мечъ свой до самаго Запада, въ

1456-мъ году явился подъ Бѣлградомъ. Здѣсь встрѣтилъ онъ храбраго противника Гуніади, знаменитѣйшаго героя Венгерскаго народа, который, съ помощію Іоанна де Капистрано, проповѣдника, мужа замѣчательнаго, исполненнаго высокаго воодушевленія, обратилъ полчища Магомета въ бѣгство, положивъ на мѣстѣ двадцать четыре тысячи Турокъ.

Оборона Бѣлграда на нѣкоторое время отвела опустошительную руку отъ Венгріи, и страсть Магомета къ завоеваніямъ обратилась въ другія стороны. Властолюбіе Магомета не ограничилось завоеваніемъ Греціи: въ Малой-Азіи онъ положилъ конецъ царству Караманскому (1473 г.), съ давняго времени самому опасному сопернику Османской державы. Сербія, давно уже обложенная данью, Боснія и Валахія были завоеваны, а набѣги Турокъ на Крайнъ, Фріуль, Каринтію и Штирію, продолжавшіеся до половины шестнадцатаго вѣка, начались около сего времени. Съ Венеціанами Магометъ открылъ войну изъ-за владѣній ихъ въ Пелопоннезѣ (1463 г.), причемъ несчастная земля эта еще разъ подверглась страшному

опустошенію, и разорена была въ конецъ. Участь плѣнныхъ была ужасна. По завоеваніи Негропонта, которое стоило Туркамъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ, всѣ Венеціане были посажены на колъ, или четвертованы. Родъ казни, преимущественно удовлетворявшій кровожадности Магомета, — было перепиливаніе, или разсѣченіе пополамъ; эту смерть онъ почиталъ самою мучительною. Война продолжалась шестнадцать лѣтъ; наконецъ за нѣкоторыя пожертвованія Республика получила миръ (1479 г.). Въ 1480 году Турки, по просьбѣ Венеціанъ, какъ ихъ союзники, взяли Отранто приступомъ, перерѣзали двѣнадцать тысячъ жителей этого города, разогнали и плѣнили десять тысячъ человѣкъ, а губернатора и епископа Магометъ приказалъ распилить надвое. Западъ Европы, тронутый въ одной изъ самыхъ чувствительныхъ частей своихъ, манилъ завоевателя къ новой добычѣ и новой славѣ. Римъ, средоточіе христіанскаго міра, былъ цѣлію походовъ Магомета: онъ поклялся истребить съ лица земли вѣру въ Распятаго. Къ счастію для Запада, онъ умеръ

3-го мая 1481 года, и вслѣдъ за тѣмъ его войско потеряло Отранто.

И такъ кочующая орда Курдовъ въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій уничтожила два могущественныя государства въ свѣтѣ: Сельджукскую монархію и Греческую, — монархіи, въ которыхъ процвѣтали науки, художества и знаменитыя изобрѣтенія, которымъ покровительствовали халифы и императоры, каковы: Гарунъ-Аль-Рашидъ, Константинъ-Великій, Юстиніанъ и другіе.

Съ перваго взгляда успѣхи Турокъ могутъ показаться изумительными, но разсмотрѣвъ съ строгой точки зрѣнія, найдемъ, что успѣхамъ этимъ много содѣйствовали обстоятельства, въ которыхъ находились въ то время Европа и Азія.

Въ среднихъ вѣкахъ государства были слабы, необразованны и отдѣльны другъ отъ друга. Люди жили только въ настоящемъ, не обращая вниманія на ближайшія къ нимъ предметы. Умъ ихъ, лишенный дѣятельности, погруженный въ невѣжествѣ, не умѣлъ свя-

зать событій, а еще менѣе предвидѣть ихъ и дать имъ стройное направленіе. Воображеніе праздное при чувственныхъ занятіяхъ, рѣдко переносило ихъ въ будущее. При недостаткѣ сношеній, народы не знали другъ друга; но если бы и знали, то взаимное безсиліе ихъ было въ такомъ состояніи, что они не могли опасаться другъ друга и принимать мѣры предосторожностей; вотъ почему государства не составляли или не нарушали ихъ по правиламъ постояннымъ и прочнымъ. Каждое государство существовало только само для себя.

Государи, равно какъ и подданные ихъ, были бѣдны и безсильны. Если сосѣди ихъ отличались дѣятельностію, предпріимчивостію, честолюбіемъ, воинственностію,—ихъ опасались только на мгновеніе, но всѣ предначертанія не имѣли въ себѣ ничего цѣлаго, общаго; всѣ военныя дѣйствія лишены были порядка и послѣдовательности. Мирились такъ же легко, какъ и ссорились; плановъ составлять не умѣли, а если бы и умѣли, то не были бы въ состояніи привести ихъ въ исполненіе.

И такъ, пока не было связи между наро-

дами, пока невѣжество или національная гордость разъединяли ихъ, до тѣхъ поръ они не умѣли ни предвидѣть угрожавшихъ имъ опасностей, ни своевременно отвратить ихъ собственною силою, или союзомъ съ другими народами противъ общаго врага ихъ. Если гдѣ-нибудь образовывалась опасная масса силъ, то народы были подавляемы ею въ ту самую минуту, какъ только узнавали о ея существованіи.

Вотъ почему человѣкъ съ самостоятельнымъ умомъ, выходившій изъ общественной среды, хотя нѣсколько, могъ произвесть на разъединенную въ понятіяхъ и требованіяхъ толпу людей огромное вліяніе и подчинить ихъ власти своей безъ всякаго особеннаго труда. Является Магаммедъ и увлекаетъ за собою цѣлую Азію; гдѣ не появляется онъ, все покоряется ему; одно имя его приводитъ въ трепетъ. Изъ бѣднаго и въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ никому невѣдомаго народа, Магаммедъ образуетъ страшныхъ завоевателей.

Но страшными Арабы были только до

тѣхъ поръ, пока сохранялись въ нихъ общія убѣжденія, требованія и общій интересъ; но какъ-только эта политическая нить, связывающая ихъ между собою, была оборвана, и Сельджукская монархія обратилась въ развалины. Тоже самое повторилось и съ Греческой имперіей. Государи греческіе, находясь въ крайности, опасались успѣховъ крестоносцевъ болѣе, чѣмъ завоеваній Турокъ, и принимали въ Священной войнѣ только постороннее участіе, что̀, безъ всякаго сомнѣнія, много способствовало успѣнію и успѣху Турокъ. Тоже самое было и съ крестоносцами: между ними не было ни общей связи, ни общаго стремленія. Отправляясь въ Крестовые Походы, каждый думалъ по своему и шелъ непремѣнно съ какою-нибудь особенною цѣлію; а владѣтели Греціи спорили въ это время о своихъ правахъ.

Трудно-ли же было при такихъ обстоятельствахъ Туркамъ овладѣть Греціей и самимъ Константинополемъ, и свергнувъ престолъ Константина Великаго, утвердить на мѣстѣ его престолъ Оттомана.

СОСТОЯНІЕ ПОРТЫ

ПОСЛѢ ВЗЯТІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Сыну завоевателя Константинополя, Баязету II (1481 и 1512 г.), наслѣдовалъ страшный Селимъ I-й (1512 и 1520 г.), который, разрушивъ царство Мамелюковъ, завоевалъ Египетъ и Азію до рѣки Тигра, 1517 года. При Солиманѣ Великолѣпномъ (1520—1566 г.) могущество Оттоманской Порты достигло своего зенита. Солиманъ обратилъ свое страшное оружіе противы Европы; покорилъ островъ Родосъ (1522 г.), не смотря на отчаянное сопротивленіе Іоаннитовъ; напалъ на Венгрію, овладѣлъ Бѣлградомъ; въ сраженіи при Молатѣ (1526 г.) истребилъ венгерское войско, предводимое королемъ Венгерскимъ Людовикомъ II. Людовикъ погибъ въ болотѣ во время бѣгства. Воевода Трансильванскій Іоаннъ Заполья объявилъ себя королемъ Венгерскимъ. Солиманъ II, принявъ сторону Іоанна, вторгнулся въ 1529 г. снова въ Венгрію, взялъ

Офенъ и осадилъ Вѣну. Хотя защитники Вѣны отразили полчища турецкія, но Солиманъ утвердился въ Молдавіи, а Заполья остался королемъ Венгерскимъ. Между-тѣмъ морскія силы Турокъ, основанныя Солиманомъ, сдѣлались для Европы почти страшнѣе ихъ янычаръ. Покоривъ Родосъ, Турки овладѣли всѣмъ Средиземнымъ моремъ; образовавшіяся разбойничьи государства на африканскомъ берегу: Алжиръ, Тунисъ и Триполисъ, признали надъ собою власть султана. Солиманъ II, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ гроза и ужасъ христіанства, еще разъ вторгнулся въ Венгрію. Крѣпость Сигетъ сдалась Туркамъ, но Солиманъ окончилъ дни свои въ лагерѣ предъ Сигетомъ, а сынъ его Селимъ II заключилъ съ Венгріею восьмилѣтній миръ.

Селимъ II началъ правленіе свое въ 1566 году, продолжалъ завоеванія отца своего, но уже не съ такимъ счастіемъ, какъ тотъ; онъ овладѣлъ островомъ Кипромъ, но потерялъ въ 1571 году славное морское сраженіе при Лепантѣ. Въ этомъ сраженіи съ Испанцами, изъ числа 350 турецкихъ судовъ спа-

слось только 30; болѣе 30,000 Турокъ погибло въ битвѣ, и самый Константинополь находился въ опасности.

Муратъ II, сынъ Селима, царствовалъ съ 1575 по 1595 годъ; онъ велъ продолжительную кровопролитную войну съ Персами, и умеръ въ началѣ войны съ Венгріею. Магометъ III, при вступленіи своемъ на престолъ, убивъ девятнадцать братьевъ своихъ, продолжалъ войну съ Венгріей. Ему наслѣдовалъ сынъ его Ахмедъ I (1603 г.), который въ войнѣ съ Персами потерпѣлъ пораженіе. Братъ его Мустафа I-й, хотя и былъ ему преемникомъ въ 1618 году, но въ томъ же году былъ отставленъ, а на мѣсто сына его Ахмеда былъ избранъ государемъ Османъ II, который послѣ удачной войны съ персидскимъ шахомъ Аббасомъ въ 1622 году былъ умерщвленъ янычарами, и Мустафа I, возведенный вторично на престолъ, вскорѣ былъ свергнутъ съ онаго самымъ позорнымъ образомъ, и Муратъ III, второй сынъ Ахмеда, въ томъ же году былъ возведенъ на престолъ. Муратъ усмирилъ Персовъ и отнялъ у нихъ городъ Багдадъ.

Мурадъ отличался нетрезвостію, жестокостію и кровожадностію. По смерти его вступил на престолъ братъ его Ибрагимъ I. Онъ царст вовалъ въ 1640 и 1648 годахъ. Ибрагим взялъ Азовъ и велъ съ Венеціанцами войну з острова Кандію, которая продолжалась двад цать четыре года и окончилась уже при на слѣдникѣ его Магометѣ IV. Ибрагимъ был удавленъ въ темницѣ въ 1648 году.

ОСАДА ВѢНЫ.

Ибрагиму наслѣдовалъ сынъ его Магометъ IV. Въ его правленіе Турки завоевали въ 1669 году отъ Венеціи Кандію, эту царицу грече скихъ водъ, бывшую главнымъ оплотомъ Испаніи и западнаго христіанства, и снова прославили турецкое оружіе. Въ новой войнѣ съ Австріею за Венгрію Турки, вытѣснивъ изъ Венгріи австрійскія войска и покоривъ всю эту землю, устремились на самую Вѣну, 1683-го года, 14 іюля. Императоръ Австрій скій въ испугѣ убѣжалъ въ Пассау, оставивъ Австрію, Штирію и Моравію въ жертву озлоб-

ленныхъ Турокъ, Татаръ и Венгровъ. Двѣсти тысячъ Турокъ съ 200 орудій облегли Вѣну, имѣвшую только 12,000 человѣкъ гарнизона. Вѣна выдержала осаду. Король Польскій Іоаннъ Собіесскій и герцогъ Лотарингскій Карлъ V подоспѣли на выручку столицы Австріи и спасли Вѣну. Разбитый визирь Кара-Мустафа убѣжалъ, оставивъ весь свой лагерь въ добычу побѣдителямъ 12 сентября 1683 года. Все христіанство, кромѣ короля Французскаго, радовалось погибели невѣрныхъ. Герцогъ Лотарингскій Карлъ V, пользуясь одушевленіемъ своихъ воиновъ, разбилъ еще нѣсколько разъ Турокъ, взялъ Гронъ, Пестъ и усмирилъ возмущеніе Венгріи. Въ это время Польша, Венеція и Россія въ слѣдствіе Московскаго договора съ Польшею (1686 г.) объявили Турціи войну. Герцогъ Карлъ еще разъ побѣдилъ Турокъ при Могачѣ (1687 г.). Венеціанскій полководецъ Морозини покорилъ весь полуостровъ Морею, Коринѳъ, Аѳины и проч. Эти неудачи взволновали Турцію. Янычары свергнули Магомета IV и возвели на престолъ брата его Солимана III (1687 г.). Послѣ пораженія Турокъ въ славномъ бою

при Петервардейнѣ маркграфомъ Баденскимъ Людовикомъ и послѣ побѣды Евгенія Савойскаго при Зентѣ 1697 года, въ правленіе Мустафы II (1695 года и 1702 года) Порта, тѣснимая и другими врагами, принуждена была заключить миръ съ Австріей въ Карловицѣ 1699 года. Она уступила Австріи Трансильванію, Славонію и землю между Дунаемъ и Тиссою. Польша, возвративъ Молдавію, пріобрѣла Подолію и часть Украйны. Венеція удержала за собою Морею и нѣкоторыя мѣста въ Далмаціи. Карловицкій миръ потрясъ до основанія Оттоманскую Порту. Вскорѣ несчастный Мустафа II былъ сверженъ съ престола янычарами; ему наслѣдовалъ братъ его Ахметъ III (1702 — 1730 г.).

ТУРЦІЯ ОБЪЯВЛЯЕТЪ РОССІИ ВОЙНУ. ПРУТСКІЙ ДОГОВОРЪ.

Карлъ XII, разбитый подъ Полтавою Петромъ I, бѣжалъ въ Турцію, которую успѣлъ склонить къ войнѣ съ Россіею. Ахметъ III объявилъ Россіи войну, двинулъ всѣ силы

своего государства, 300,000 человѣкъ и 500 орудій, подъ предводительствомъ самого великаго визиря, на Россію. Петръ съ 40,000-мъ войскомъ спѣшилъ предупредить непріятеля и неожиданно былъ окруженъ при Прутѣ, при мѣстечкѣ Ораьчи, всею турецкою арміею. Погибель его казалась неизбѣжною; но, къ удивленію Петра и всей Европы, визирь, прельщенный золотомъ, согласился на миръ, требуя только возвращенія Азова съ его округомъ, уступки Татарамъ Запорожья, принятаго въ свое подданство царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; невмѣшательства Россіи въ дѣла польскія, свободнаго пропуска Карлу XII и выдачи молдавскаго господаря Кантеміра, бывшаго союзникомъ Петра. Петръ согласился на всѣ требованія, кромѣ послѣдняго. 1711 г. султанъ Ахметъ подтвердилъ Прутскій договоръ. Напрасно Карлъ XII еще два раза поднималъ Турцію противъ Россіи,—султанъ, подтвердивъ миръ съ Россіею на 25 лѣтъ, 1713 г., велѣлъ Карлу, который наскучилъ ему козними, оставить владѣнія Порты.

ВТОРАЯ ВОЙНА СЪ РОССІЕЙ. БѢЛГРАДСКІЙ МИРЪ.

Ахмету III, низверженному янычарами, наслѣдовалъ племянникъ его Махмудъ I (1740—1754 г.) которому Россія, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, за набѣги Крымскихъ Татаръ на предѣлы Россіи объявила войну. Одинъ русскій полководецъ, Ласси, взялъ Азовъ; другой, Минихъ, опустошилъ Крымъ, покорилъ Очаковъ и истребилъ при Ставучанѣ цѣлую турецкую армію, 1739 года. Только неудачи союзника русскаго, Карла VI, лишили Россію тѣхъ плодовъ, которыхъ она вправѣ была ожидать отъ побѣдъ своихъ. Миръ былъ заключенъ въ Бѣлградѣ. Россія, конечно, ничего не выиграла въ этой войнѣ, но оружіе ея осталось памятно Портѣ, а Европа съ почтеніемъ стала взирать на сѣвернаго великана.

ПЯТИЛѢТНЯЯ ВОЙНА СЪ РОССІЕЙ.

СОЖЖЕНІЕ ТУРЕЦКАГО ФЛОТА ПРИ ЧЕСМѢ.

Не смотря на выгоды Бѣлградскаго мира, войны Австріи съ Россіею привели Порту въ крайнее разслабленіе и убѣдили се въ томъ, что счастіе войны ей навсегда измѣнило. Мустафа III, сынъ Ахмета III, восшедшій на престолъ въ 1757 году, по внушенію Французовъ разорвалъ миръ съ Россіей подъ самымъ ничтожнымъ предлогомъ, 1768 года. Война продолжалась пять лѣтъ со всѣмъ рвеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Турки бились отчаянно; Русскіе, предводимые на сушѣ Румянцевымъ и на морѣ Орловымъ, развили въ себѣ страшную силу и отвагу. Пораженія Турокъ при Ларгѣ, Кагулѣ, при Хіосѣ и Чесмѣ, возстаніе Крымскихъ Татаръ, признавшихъ надъ собою власть Россіи, возстаніе владѣтелей Грузіи, Грековъ и Славянъ — заставили Порту трепетать за свое существованіе; даже союзницы Россіи — Пруссія и Австрія, испугались нашихъ успѣховъ. Фридрихъ, король

Прусскій, предложилъ свое посредничество, слѣдствіемъ котораго было примиреніе, и Румянцевъ, съ оружіемъ въ рукахъ, предписалъ слабому наслѣднику Мустафы, Абдулъ Гашиду, въ ставкѣ своей въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи іюля 1774 года миръ, по которому Порта обязалась: 1) признать независимость Татаръ Крымскихъ; 2) уступить Россіи Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбургъ, землю между Днѣстромъ и Бугомъ и обѣ Кабарды; 3) дозволить русскимъ купеческимъ судамъ свободное плаваніе изъ Чернаго моря въ Средиземное; 4) предоставить русскимъ подданнымъ въ турецкихъ владѣніяхъ всѣ тѣ выгоды торговли, которыми пользовались другіе, наиболѣе покровительствуемые народы; 5) даровать всеобщее прощеніе Грекамъ, Славянамъ, Молдаванамъ и Валахамъ; 6) допустить русскихъ резидентовъ въ Царьградъ ходатайствовать предъ Диваномъ по дѣламъ Молдаванскимъ; уплатить Россіи 4,500,000 рублей за военныя издержки, и 8) отмѣнить всѣ прежніе трактаты, въ коихъ была рѣчь о Польшѣ. Порта не могла однако равнодушно снести потерь по Кучукъ-Кайнард-

жирскому миру и потому старалась вредить Россіи. Между-тѣмъ безпокойный Крымъ не умѣлъ воспользоваться своею независимостью: въ немъ вспыхнулъ въ 1782 году мятежъ противъ Шагинъ-Гирея, который убѣжалъ въ Херсонъ подъ защиту Русскихъ; но когда Турки заняли Тамань, Князь Потемкинъ велѣлъ Долгорукому занять Крымъ, уступленный Россіи Шагинъ-Гиреемъ. Это присоединеніе Крыма къ Россіи воспослѣдовало 8 апрѣля 1783 года.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КРЫМА КЪ РОССІИ.

Турція, угрожаемая въ то же самое время и Австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, который сблизился съ Россійскимъ дворомъ, озабоченная страшною чумою, видя на границахъ своихъ русскія и австрійскія войска, признала договоромъ въ началѣ 1784 года Крымъ русскою провинціею и Кубань границею обѣихъ имперій.

Тогда родилась мысль о возможности возстановить Греческую имперію. Дѣйствительно, что̀ могло быть плѣнительнымъ, болѣе со-

образно съ общественными интересами, какъ не высокое стремленіе возстановить царство просвѣщенія въ классическомъ отечествѣ древнихъ Грековъ, такъ долго и тяжко вздыхающихъ подъ мусульманскимъ игомъ, и прогнать азіатскихъ варваровъ, непримиримыхъ враговъ имени Христа Спасителя, обратно въ ихъ родныя степи? Обстоятельства, казалось, благопріятствовали къ приведенію великой мысли Екатерины въ исполненіе. Порта видѣла и знала все это. Лондонскій и Берлинскій кабинеты, негодовавшіе на Россію, первый за вооруженный нейтралитетъ, а второй за дружбу съ Австріею, вразумили Порту о предстоявшей опасности, и только одно безсиліе удерживало ее долгое время отъ войны съ Россіей. Но когда 1787 года Екатерина Великая предприняла путешествіе въ Крымъ, сопутствуемая своимъ союзникомъ и другомъ императоромъ Іосифомъ II, когда Потемкинъ, не уклонявшійся ни на шагъ отъ любимой цѣли, собралъ многочисленную армію въ Новороссійскомъ краѣ и дѣйствительно ждалъ только мановенія своей Монархини, чтобы

дѣйствовать: Диванъ, думая, что при свиданіи Екатерины и Іосифа заключенъ договоръ объ уничтоженіи Турецкой имперіи и надѣясь на Англію, Пруссію, Швецію и Польшу, хотѣлъ предупредить опасность и объявилъ Россіи войну.

Россія и Австрія начали громить Турцію, первая 120,000 тысячами, вторая 200,000 арміями. Суворовъ разбилъ Турокъ на Кинбурнской косѣ, при Фокшанахъ, Рымникѣ. Очаковъ палъ. При всемъ томъ Турція уцѣлѣла. Главнокомандующій Русскими, самъ Потемкинъ, удаливший Румянцева, дѣйствовалъ съ непостижимою медлительностію; Австрійцевъ преслѣдовало непрерывное несчастіе. Густавъ III, король Шведскій, мечтавшій о возвращеніи Швеціи прежняго могущества ея и прежней славы, объявилъ Россіи войну, 1789 года. Іосифъ II умеръ 1790 года, а преемникъ его, Леопольдъ II, вступилъ въ мирные переговоры съ Турціею. Пруссія соединилась съ Англіею противъ Россіи, къ нимъ пристали Голландія и Польша. По взятіи Суворовымъ Измаила, британскій флотъ устре-

мился въ Балтійское море. По истребленіи турецкой арміи Репнинымъ при Мачинѣ, Россія согласилась принять, отвернувъ всѣ посредничества, предложеніе мира со стороны Турціи. Миръ былъ заключенъ, по смерти Потемкина, графомъ Безбородко въ Яссахъ 1791 года, 29 декабря. Утвердивъ въ полной мѣрѣ Кайнарджійскій миръ, Турція спаслась, но внутреннее устройство ея представляло страшный хаосъ. Абдулъ Гашиду, не пережившему окончанія этой войны, наслѣдовалъ Селимъ III. Въ продолженіе XVIII вѣка имперія Турецкая разрушалась все болѣе и болѣе.

СЕЛИМЪ III.

ВОЗСТАНІЕ ГРЕКОВЪ.

Селимъ III, вступившій на престолъ въ 1789 году, и славный министръ его, тогдашній Рейсъ-Эффенди, понимали недостатки государственнаго благоустройства. Они успокоили въ провинціяхъ возставшихъ Грековъ и вознамѣрились водворить европейское про-

свѣщеніе и мало-по-малу ввести европейскую дисциплину и вооруженіе въ иррегулярномъ войскѣ и ограничить въ провинціяхъ число янычаръ, этого необузданнаго войска, видѣвшаго въ каждомъ улучшеніи нарушеніе своихъ правъ. Смерть Рейсъ-Эффенди и потомъ война съ Франціею прервали Селима въ дѣлѣ улучшенія. Недовольные преобразованіями Селима составили противъ него заговоръ. Янычары разбили новыя войска султана, ворвались въ Константинополь и свергли Селима съ престола. Мѣсто его занялъ слабый племянникъ его Мустафа IV, котораго вскорѣ низложилъ Рущукскій паша Мустафа Байрактаръ, доставившій престолъ брату его Махмуду II, въ 1808 году. Махмудъ II, государь рѣшительный, пошелъ по слѣдамъ Селима. Однако война съ Россіею и Сербами препятствовала его намѣреніямъ. Турецкія провинціи одна за другою пріобрѣтали независимость, внутренніе безпорядки Турціи, несправедливости, своеволіе войска, пренебреженіе законовъ, варварства усиливались въ имперіи Турецкой съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Эти обстоятельства приготовили возстаніе Грековъ, *которые въ продолженіе четырехъ* вѣковъ самаго тягостнаго рабства не утратили своей независимости и надежды на избавленіе. Европейскіе кабинеты безпрерывно питали въ нихъ эту надежду, въ особенности Россія, со временъ Императрицы Анны, употребляла всѣ усилія къ облегченію судьбы ихъ. Екатерина II *обязала султана Кайнарджійскимъ* договоромъ не притѣснять Грековъ; тѣ же условія предписалъ Императоръ Александръ въ Бухарестѣ. Не смотря на то, угнетенія Грековъ со стороны Турокъ продолжались; иго становилось невыносимо. Возстаніе Греціи ускорилось возстаніемъ Валахіи и Молдавіи. Въ первой поднялъ знамя возстанія Теодоро-Владиміреско, а въ послѣдней Александръ Итиланти, сынъ убитаго Молдавскаго господаря, дослужившійся въ Россіи до генеральскаго чина. Итиланти овладѣлъ Яссами, воззвалъ всѣхъ Грековъ къ *сверженію ненавистнаго* ига, обѣщая имъ могущественную помощь единовѣрной Россіи. Въ 1821 году Итиланти, къ которому присоединился князь Контакузено,

овладѣвъ обоими княжествами, начертали уже планъ *овладѣть и Константинополемъ*, при помощи фонаріотовъ схватить султана и правительственныя лица, произвести общее смятеніе въ имперіи и провозгласить свободу Греціи. Но измѣна открыла планъ ихъ турецкому правительству. Страшное мщеніе постигло несчастныхъ: черпь константинопольская, *съ согласія правительства, подобно тиграмъ*, истребила тысячи виновныхъ и невинныхъ Грековъ; не было пощады ни полу, ни возрасту; самъ патріархъ константинопольскій съ двумя епископами былъ распятъ на дверяхъ того самаго храма, въ которомъ онъ совершалъ священнодѣйствіе въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова; церкви христіанскія были разрушены; султанъ изъявилъ намѣреніе истребить все христіанское народонаселеніе, и только представленія и угрозы европейскихъ посланниковъ остановили его звѣрскую рѣшимость. Императоръ Александръ въ справедливомъ негодованіи велѣлъ войскамъ своимъ двинуться къ предѣламъ Турціи; но Англія и Австрія примирили его съ султа-

номъ, который обязался вывести свои войска изъ Молдавіи и Валахіи, пропускать русскія суда изъ Чернаго моря въ Средиземное безъ осмотра, даровать пощаду Грекамъ и возстановить ихъ разрушенные храмы.

Насытивъ ярость свою въ Константинополѣ, султанъ послалъ сильное войско подавить возстаніе въ Молдавіи и Валахіи. Ипсиланти бился съ геройствомъ, но измѣна Владиміреска и другихъ предводителей и многочисленность враговъ восторжествовали надъ его усиліями. Разбитый при Терговиштѣ, Ипсиланти спасся бѣгствамъ въ австрійскія владѣнія, гдѣ его посадили въ крѣпость. Освобожденный наконецъ послѣ шестилѣтняго заключенія, онъ скончался въ 1828 году. Остатки его сподвижниковъ подъ начальствомъ героя Іордакія бились еще нѣсколько дней съ варварами и наконецъ взорвали себя съ развалинами монастыря Секò на воздухъ. Такъ плачевно кончилось предпріятіе Ипсиланти въ Молдавіи и Валахіи, но при всемъ томъ оно зажгло зарю свободы въ Греціи. Воззванія Ипсиланти взволновали Грековъ и на

островахъ, и въ Морѣ. Безумная жестокость Турокъ, заключившихъ въ темницы и крѣпости греческихъ епископовъ въ Мореѣ, ускорили возстаніе южной Греціи. Архіепископъ Германосъ, спасшійся изъ своей темницы, первый воззвалъ своихъ соотечественниковъ къ защитѣ христіанской вѣры и къ завоеванію свободы, и первый началъ губить враговъ. Примѣръ его воспламенилъ всю Морею; даже свободные Майноты, потомки Спартанцевъ, сошли подъ предводительствомъ своего начальника Петра Мавромихани съ родимыхъ горъ своихъ на защиту вѣры и свободы. Возстаніе распространилось по землѣ и по морю, до Θессаліи и Албаніи, до отдаленныхъ острововъ Архипелага. Началась ужасная борьба между Греками и Турками, борьба религіозная! Ожесточенные долговременнымъ рабствомъ, Греки не уступали Туркамъ въ лютости и звѣрствѣ. Къ счастію Грековъ, война съ Али-Пашей Янинскимъ и Персіей раздѣлила силы султана. Димитрій Ипсиланти, братъ Александра Ипсиланти, Маврокардато, Кантакузено были главами возстанія Грековъ. Они и под-

вижники ихъ, Одиссей, Колокотрони, Мавромихали и Георгъ Міаули въ 1823 и 1824 годахъ ознаменовали себя славными побѣдами противъ Турокъ. Наконецъ султанъ убѣдилъ Египетскаго пашу послать сына своего Ибрагима съ войскомъ и съ флотомъ въ Морею для усмиренія Грековъ. Весною 1825 года Ибрагимъ прибылъ въ Морею съ 12,000 отборнымъ войскомъ, предводимымъ бо́льшею частію французскими офицерами, и произвелъ въ ней страшное опустошеніе. Другое сильное турецкое войско выступило изъ Албаніи и осадило Миссолунги. Хотя Греки не теряли мужества, однако легко можно было предвидѣть, что Турки наконецъ восторжествуютъ.

Императоръ Александръ, видя свои представленія султану о прекращеніи кровопролитія безполезными, простеръ къ погибающимъ руку помощи, но смерть его остановила это благое намѣреніе.

МАХМУДЪ II. УНИЧТОЖЕНІЕ ЯНЫЧАРЪ.

Въ 1826 году, Махмудъ, понимавшій выгоды европейской дисциплины, нанесъ рѣшительный ударъ янычарамъ. Когда они воспротивились его повелѣнію подчиниться строгой дисциплинѣ, онъ напалъ на нихъ съ вѣрными силами, сжегъ ихъ казармы, объявилъ весь янычарскій корпусъ, преданный муфтіемъ проклятію, уничтоженнымъ (5 іюня), казнилъ многія тысячи непокорныхъ, а остальныхъ переправилъ въ Азію.

ВОЙНА СЪ РОССІЕЙ. АДРІАНОПОЛЬСКІЙ МИРЪ.

Наконецъ Россія, Англія и Франція, внявъ голосу человѣколюбія, заключили между собою въ Лондонѣ договоръ (24 іюня 1827 года), чтобы понудить Порту къ прекращенію непріязненныхъ отношеній между Греками и Турками и къ удаленію египетскаго войска изъ предѣловъ Греціи. Султанъ Мах-

мудъ, отвергнувъ посредничество трехъ державъ, почелъ вмѣшательство оныхъ въ дѣла турецкія нарушеніемъ мира, и объявилъ Россіи войну. Война между Россіею и Турціею началась 1828 года. Главнокомандующій русскими войсками, графъ Витгенштейнъ, занялъ почти безъ сопротивленія Молдавію и Валахію, овладѣвъ многими дунайскими крѣпостями и даже Варною. Въ слѣдующемъ году (1829) генералъ Дибичъ разбилъ Турокъ при Кулевчѣ, перешелъ Балканскія горы, истребилъ еще одну турецкую армію, овладѣлъ Бургасомъ и другими приморскими городами и вступилъ въ Адріанополь. Ничто не могло ему противиться; паденіе Константинополя было неминуемо. Съ другой стороны, въ Азіи, генералъ Паскевичъ билъ Турокъ на каждомъ шагу, бралъ крѣпости и рушилъ предъ собою все: онъ уже покорилъ главный городъ въ Арменіи Эрзерумъ, и занявъ черноморскія провинціи, также проложилъ себѣ путь къ столицѣ султана. Никогда еще русское оружіе противъ Турокъ не покрывалось такою славою; участь Оттоманской имперіи была без-

спорно въ рукахъ С.-Петербургскаго кабинета. Но великодушный Государь Россійскій искалъ не завоеваній, а точнаго, справедливаго исполненія договоровъ и единственнаго спасенія единовѣрнаго греческаго народа, погибавшаго отъ турецкаго фанатизма, и потому, когда султанъ смиренно обратился къ Нему съ мольбою о пощадѣ, Онъ даровалъ миръ Турціи, подписанный въ Адріанополѣ 2 сентября 1829 года. Съ этого времени дружественныя сношенія съ Россіею болѣе, чѣмъ когда-либо были полезны для Турціи. Махмудъ самъ чувствовалъ это, и когда высокомѣрный васcалъ его, паша Египетскій Мехметъ-Али, покоривъ Сирію и часть Малой-Азіи, угрожалъ Константинополю (1831 и 1832 года) онъ обратился къ своему великодушному побѣдителю съ просьбою о защитѣ. Появленіе русскаго войска въ Малой-Азіи и Русскаго флота на водахъ Архипелага, 1833 года, принудило Мехмета-Али отказаться отъ своихъ плановъ завоеванія и остаться данникомъ Порты.

Султанъ Махмудъ II, опередившій свой вѣкъ и народъ, который онъ старался познакомить

съ европейскимъ просвѣщеніемъ, чтобы тѣмъ предовратить явное паденіе своей имперіи, скончался въ 1839 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его Абдулъ-Меджидъ. Съ этого времени внутреннее спокойствіе Турціи, дарованное ей благоразумными распоряженіями Махмуда, равно какъ свобода и спокойствіе Грековъ нарушались все болѣе и болѣе. Наконецъ Порта, вовлеченная въ заблужденіе враждебными общественному спокойствію державами, дерзнула объявить Россіи войну.

II.

О ХАРАКТЕРѢ ТУРОКЪ.

Бо̀льшая часть путешественниковъ по Востоку обращали преимущественно свое вниманіе на столицу Оттоманской имперіи, описывали сераль, эту пышную темницу султановъ, украшенную варварскою роскошью; но немногіе изъ нихъ проникали во внутренность государства, гдѣ можно видѣть и характеръ Турокъ, и дѣйствія правительства и съ тѣмъ вмѣстѣ получить понятіе о Туркахъ и Грекахъ въ ихъ рабскомъ состояніи подъ игомъ магометанскаго деспотизма.

Честолюбіе и зависть — вотъ двѣ великія пружины, которыя движутъ хитраго и вмѣстѣ

холоднаго мусульманина. Онъ смотритъ на прочихъ людей, какъ на презрѣнныхъ тварей, которыя могутъ служить ему предметомъ его разсчетливости къ полученію какой-нибудь выгоды или власти. Онъ ни чѣмъ не дорожитъ для достиженія высшихъ степеней, бывши увѣреннымъ, что онъ родился для нихъ, вособенности когда случай приведетъ его надѣть почетную шубу. (*)

Турокъ, сдѣлавшись сильнымъ, не оставляетъ своего притворства, свергнувъ насильственно того, чье мѣсто заступилъ онъ, и самъ въ свою очередь стоитъ ежеминутно на краю пропасти. И такъ онъ приготовленъ уже къ удару, который рано или поздно долженъ поразить его.

Вельможи турецкіе черпятъ другъ друга клеветою и злодѣйски умерщвляютъ одинъ другаго, полагая, что лишать жизни подобныхъ себѣ такъ же легко, какъ стрѣлять дичь.

И такъ несправедливо говорятъ, что магометане человѣколюбивы; разсмотрѣвъ ближе,

(*) Обычай раздавать сановникамъ почетныя шубы въ Турціи сохранился со временъ Греческой имперіи.

увидимъ, что въ нихъ совсѣмъ нѣтъ того, о чемъ такъ много проповѣдовали писатели-путешественники, разсматривая ихъ сквозь призму, и не только не разсуждая о томъ, что самая религія Турокъ, введенная съ мечемъ въ рукѣ людьми, кричавшими: умри, или вѣруй! не могла имѣть въ основаніи своемъ ни любви къ ближнему, ни терпимости.

Правда и то, что Грецію покрыли монастырями, церквами и часовнями, но терпимости ли за устроеніе и сохраненіе оныхъ обязаны? Очень ясно, что дикіе завоеватели не въ силахъ были истребить христіанство совершенно, какъ и всѣ гонители, имъ предшествовавшіе; одинъ только Божественный Промыслъ могъ сохранить это. Очень ясно, что Турки, насытивъ свою ярость надъ побѣжденными христіанами, сдѣлались великодушнѣе не почему другому, какъ потому, что видѣли уменьшеніе христіанъ до того, что не было уже причины ихъ опасаться, да и тѣ, которымъ была оставлена жизнь, обращены были въ рабство, подъ названіемъ райевъ; послѣ того нельзя же было не позволить тѣмъ, которыхъ

поработили они, сохранить ихъ послѣднее достояніе — ихъ алтари.

И такъ, мнимая терпимость Турокъ къ христіанамъ, есть дѣйствіе, основанное на собственной пользѣ. Не болѣе чистоты представляютъ и ихъ человѣколюбивыя дѣла. Нѣкоторые примѣрно-благочестивые магометане отказываютъ не рѣдко имущество и капиталы свои для содержанія общественныхъ фонтановъ, другіе строятъ караванъ-сераи; нѣкоторые простираютъ попечительность свою до того, что назначаютъ капиталъ, не рѣдко огромный, для раздачи пищи собакамъ своего квартала, которыя у нихъ въ такомъ обиліи. При всемъ этомъ человѣколюбіи, распространяющемся даже на животныхъ, ни одинъ магометанинъ не дерзалъ нарушить обычаевъ для того, чтобъ завести домы призрѣнія, или подаянія не только для бѣдныхъ и угнетенныхъ христіанъ, но даже и для своихъ собственныхъ единовѣрцевъ. Такимъ образомъ ихъ благотворительность и филантропія ограничиваются ихъ собственнымъ кругомъ, потому что законодатель ихъ принесъ мечъ, а не миръ на землю.

Мы не можемъ обманываться въ нравственныхъ правилахъ Турокъ, видя опустошеніе Греціи и разореніе многихъ провинцій просвѣщенной Европы, которое сдѣлано ими изъ одной только закоренѣлой ненависти къ христіанству; въ этомъ служитъ намъ доказательствомъ живая исторія Греціи.

Турокъ жестокосердъ, мстителенъ, гордъ, презрителенъ, несправедливъ. Глаза всѣхъ вообще восточныхъ народовъ имѣютъ въ себѣ что-то коварное; въ глазахъ Турокъ просвѣчивается что-то свирѣпое. Всмотритесь въ нихъ пристальнѣе, и вы увидите, что зрачекъ ихъ бѣгаетъ съ быстротою маятника; по тусклому огню въ нихъ вы узнаете закоснѣлаго врага христіанскаго имени. Если же иногда бѣглая улыбка смягчаетъ нѣсколько этотъ взоръ, то гордый видъ и голосъ Турка тотчасъ докажутъ вамъ, что онъ говоритъ съ тѣмъ, кого называетъ гяуромъ.

Если Англичанинъ рѣдко имѣетъ одинаковое расположеніе духа два дня сряду, то Турокъ въ этомъ отношеніи еще измѣнчивѣе; онъ какъ хамелеонъ видоизмѣняется безпре-

станно. Эта нравственная несообразность въ характерѣ Турокъ вытекаетъ изъ ложнаго мечтанія о собственномъ своемъ достоинствѣ, основанномъ на непрочномъ правилѣ, что магометанинъ есть избраннѣйшее твореніе.

Для изъясненія того, какимъ образомъ у восточныхъ народовъ бывали люди, отличавшіеся въ наукахъ, надобно сказать то, что они не были уже мусульманы въ строгомъ значеніи этого слова. Они не держались правилъ правовѣрныхъ, которые думаютъ, что въ коранѣ, данномъ ихъ пророкомъ, содержится все; Саади, котораго поэзія такъ усладительна, Гофизъ, соревнователь Анакреона, воспѣвшій вино и розы, и нѣкоторые другіе, вышедшіе изъ этого дикаго оазиса, были бы растерзаны учениками Омара и Абубекира. Но если есть у восточныхъ народовъ стихотворцы, то никогда не найдешь у нихъ философовъ, подобно Локку, потому что идея мышленія проявляется во всей свой силѣ только посреди обществъ образованныхъ.

И такъ слѣпой фанатизмъ подавляетъ собою всю силу и понятія разума Турка, остав-

ляя его коснѣть въ невѣжествѣ. Есть нѣкоторыя черты въ характерѣ Турокъ, по которымъ можно судить, что онъ при другихъ обстоятельствахъ могъ бы быть чѣмъ-то порядочнымъ. Магометанинъ не лишенъ вкуса; взгляните на его чертоги, кіоски, которые всегда владычествуютъ или надъ поверхностью моря, теченіемъ рѣки, тѣнистою долиною или романическою далью.

Магометанинъ опрятенъ въ одеждѣ, воздержанъ въ пищѣ, но не всегда въ питьѣ; точенъ въ исполненіи обязанностей религіи. Владыка и деспотъ среди своего семейства, онъ чувствуетъ вполнѣ свое бытіе, живетъ почти всегда для себя одного. Его жизнь, по многимъ отношеніямъ, могла бы почитаться пріятною; но между тѣмъ это существо, повидимому спокойное и недвижимое никакими страстями, далеко отъ спокойствія, которое показываетъ его наружность. Каждый Турокъ, какого бы низкаго происхожденія ни былъ, непремѣнно мечтаетъ о своихъ высокихъ способностяхъ, и имѣя предъ глазами открытое поприще своему самолюбію, почитаетъ себя

предназначеннымъ для всѣхъ должностей, и это заблужденіе есть слѣдствіе деспотизма. Турокъ, кто бы онъ ни былъ, богатый или бѣдный, въ пурпурѣ или въ прахѣ, съ восторгомъ принимаетъ желанія своихъ собратій о возможности сдѣлаться великимъ визиремъ, адмираломъ или пашею; на это желаніе Турокъ отвѣчаетъ съ увѣренностью, что онъ способенъ для всѣхъ должностей въ мірѣ, которыя только воля монарха на него возложитъ. И такъ онъ не откажется командовать арміею, возьмется управлять финансами, и пожалуй съ такою же самоувѣренностію приметъ бразды правленія точно такъ, какъ если бы опредѣлили его къ стаду барановъ или велѣли ему смотрѣть за заднимъ дворомъ. Титло, говорятъ Турки, даютъ таланты.

Не лишнимъ будетъ упомянуть здѣсь о женщинахъ. Почти всѣ путешественники по восточнымъ странамъ описываютъ намъ ужасную неволю турецкихъ женщинъ, всегдашнее ихъ заключеніе, невозможность доступиться до нихъ, познакомиться съ ними и даже видѣть ихъ. Но въ дѣйствительности это ужь слиш-

комъ преувеличено. Познакомиться съ женщиною въ Турціи и Константинополѣ особенно немногаго стоитъ труда, необходимо только умѣть хоть немного говорить по-турецки, иначе знакомство съ женщинами конечно невозможно. Турчанки средняго сословія всюду ходятъ свободно и однѣ; ихъ можно встрѣчать на улицахъ и особенно въ щелковыхъ и башмачныхъ рядахъ—это ихъ любимое гулянье. Отъ праздности ли, отъ безпрестаннаго ли уединенія, или отъ врожденнаго въ женщинахъ любопытства, но только онѣ охотно смотрятъ на Европейца, и молодой, пригожій мужчина не рѣдко обращаетъ на себя ихъ вниманіе. Даже если и въ уединенныхъ прогулкахъ по прекраснымъ Босфорскимъ долинамъ встрѣтите вы этихъ гаремныхъ затворницъ съ черными невольниками, и если при этомъ взглядъ Турка не пугаетъ ихъ, то часто покрывала ихъ развертываются, и вы увидите хорошенькое личико, выражающее вамъ рѣшительную готовность отбросить всѣ предразсудки Востока. Это покажется удивительно только тѣмъ, которые не знаютъ

обычаевъ турецкихъ. Здѣсь мужъ или отецъ не имѣютъ никакого средства узнать, гдѣ была ихъ жена или дочь: она, уходя изъ дома, сказала, что идетъ къ родственницѣ и, вѣроятно, у ней ночуетъ — это у нихъ въ обыкновеніи и не запрещается. Въ случаѣ же подозрѣнія, если бы мужъ и захотѣлъ узнать, подлинно ли жена его была въ домѣ такого-то родственника, то у кого спросить? Хозяинъ дома, если еще не обидится, навѣрно будетъ отвѣчать, что не видаетъ женщинъ, входящихъ къ его женѣ. Спросить жену его? Да ее никогда нельзя увидѣть. Впрочемъ, какъ увѣряютъ, что бесѣда съ турецкими женщинами скучна и лишена всякаго интереса, и это очень естественно: турецкія женщины необразованы, безъ воспитанія, говорить съ ними совершенно не о чемъ, и потому какъ бы ни была хороша женщина, одна красота ея привлечь и удержать постоянно мужчину не можетъ. Отъ того и связи эти, лишенныя интереса, рѣдко бываютъ продолжительны.

Путешественники столько уже сдѣлали описаній о турецкихъ женщинахъ, что, кажется,

сообщать свѣдѣнія о ихъ состояніи было бы повтореніе того, что̀ извѣстно. Пророкъ, называлъ женщинъ произведенными для одного только размноженія рода человѣческаго, и по этому его ослѣпленные послѣдователи, руководствуясь его правиломъ, ставятъ женскій полъ, порабощенный ими, наравнѣ съ предметами матеріальными. Рѣшетки, запоры, евнухи доказываютъ не столько страсть Турокъ къ прекрасному полу, сколько низость души притѣснителя, который видитъ въ подругѣ своей ни больше, ни меньше, какъ физическое твореніе, которое онъ любитъ по разсчетамъ только.

Турки лишили женщинъ вліянія на общество, и общество, лишенное этого вліянія, сдѣлалось варварскимъ, потому что нравственность была и всегда будетъ дѣломъ красоты, этой посланницы небесъ для содѣланія людей великодушными, сострадательными и героями, но не такими, каковы герои Гомера или Рима, а подобными тѣмъ мужамъ, которыхъ христіанскій міръ почитаетъ въ своихъ бытописаніяхъ.

III.

ОБЫЧАИ, ДІЭТТИКА, СУЕВѢРІЯ, ОБЩЕСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ТУРОКЪ.

Турки, хотя въ существѣ одни и тѣ же, разнятся однако по климату провинцій, въ которыхъ живутъ. Азіатецъ дышетъ только покоемъ; изнѣженность и праздность—вотъ единственныя наслажденія богача, живущаго въ столицѣ, который не занимаетъ какой-либо общественной должности. Сонъ и бесѣда составляютъ попеременно все время препровожденія тѣхъ, кто живетъ своими доходами. Какова нынѣ погода? спрашиваютъ эти автоматы у своихъ рабовъ, сказывающихъ имъ,

сказки, и послѣ такого затруднительнаго вопроса, тотчасъ погружаются опять въ безчувственную сонливость, подобно тому лѣнтяю, которому и воснѣ спать хотѣлось? Если же иногда эти господа и вздумаютъ выйдти на воздухъ и ихъ приведутъ запыхавшихся на какую-нибудь возвышенность, откуда можно обозрѣвать Босфоръ или оккрытое поле, то думаютъ, что они сдѣлали уже величайшее усиліе, до какого только можетъ доводить любопытство.

Послѣ краткой молитвы, день у мусульманина начинается куреніемъ трубки и чашкою кофе безъ сахара. Послѣ этого амброзическаго завтрака люди дѣловые даютъ аудіенціи, а люди большаго свѣта принимаютъ или сами дѣлаютъ визиты. Обѣдъ бываетъ обыкновенно въ полдень. Четверти часа довольно для всего обѣда, который состоитъ изъ жаркихъ, худопеченнаго хлѣба и изъ блюда варенаго сарачинскаго пшена (пилафъ), подаваемаго въ концѣ стола. Слета, или послѣ-обѣденный отдыхъ, послѣ котораго бываетъ молитва. Остальное время дня проходитъ въ неподвиж-

ности, оканчивающейся ужиномъ, который сопровождается послѣднею узаконенною молитвою. Тогда умолкаетъ городской шумъ, запираются ворота, замыкающія улицы и кварталы, и только карауль можетъ выходить на улицу для наблюденія общей тишины,—наблюденія, въ Турціи совершенно излишняго, потому-что Турки слѣдуютъ порядку самому естественному — пробуждаются съ восходомъ солнца и спятъ тогда, какъ мракъ, покрывая землю, приглашаетъ ихъ къ покою.

Люди, живущіе работою рукъ своихъ, будучи воздержны, конечно по нуждѣ, имѣютъ также два стола, состоящіе изъ худо-испеченнаго хлѣба, сарачинскаго пшена, зелени и плодовъ дурнаго вкуса. Неупотребленіе вина, воспрещеннаго закономъ, они замѣняютъ кофеемъ и куреніемъ табаку до излишества. Дервиши, нищіе и ханжи, подобно Фракійцамъ, упивавшимся нѣкогда дымомъ разныхъ зловредныхъ растеній, ищутъ себѣ замѣны въ усыпительныхъ зельяхъ. Народъ турецкій вообще находитъ какіе-нибудь способы наверстывать то, что̀ запрещается священною дѣ-

тетикою пророка, заимствовавшаго отъ Евреевъ бо́льшую часть своихъ законопредписаній.

Впрочемъ, магометане не держатся буквально исполненія своего писанія, какъ Евреи; и какъ обыкновенно у нихъ надзоръ слабѣе въ провинціяхъ, нежели въ столицѣ, противно тому, какъ это бываетъ въ просвѣщенной Европѣ, а потому и пищу имѣютъ тамъ обильнѣе. Въ провинціяхъ не боятся осквернить себя употребленіемъ зайца. дичи, потроховъ, рыбы и простыхъ или морскихъ раковъ, наконецъ публично пьютъ вино въ тавернахъ. Но Турокъ, употребляющій этотъ напитокъ, рѣдко умѣетъ сохранить въ немъ мѣру; а преступивъ заповѣдь однажды, не рѣдко предается пьянству въ крайней степени. Люди высшихъ классовъ и набожные лицемѣры, любящіе вино, пьютъ оное тайкомъ, чтобы не видали ихъ жены и слуги, которыхъ страсть къ крѣпкимъ напиткамъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они меньше имѣютъ способовъ удовлетворить ее. Можно сказать, за исключеніемъ весьма немногихъ, что законъ пророка противъ вина исполняется мусульманами менѣе всѣхъ священныхъ запо-

вьдей. Вкусъ Турокъ испорченъ въ этомъ отношеніи до такой степени, что они съ жадностію осушаютъ бутылки съ лавандною и колоньскою водою и съ гунгорскою водкою, которыя находятъ Турки крайне пріятными потому, что онѣ жгутъ ихъ внутренность. У Турокъ, какъ и у дикихъ, пьянство есть высочайшее блаженство въ мірѣ.

Улемы, или отшельники, сообразующіеся буквально съ писаніемъ, ищутъ сильнѣйшихъ ощущеній, нежели тѣ, какія могутъ быть отъ вина,—въ опіумѣ, котораго дѣйствіе производитъ въ нихъ необычайное изступленіе.

Если склонность къ горячительнымъ напиткамъ есть господствующая у восточныхъ народовъ, то духъ ихъ не менѣе любитъ насыщаться бражнымъ другаго рода; этотъ любовный напитокъ есть магія. Изобрѣтатели этой науки, полной заблужденій, которая заключала въ себѣ религію, ими по своему понимаемую, медицину эмпириковъ и астрологію гадателей, безъ сомнѣнія не предвидѣли послѣдствій, которыя нѣкогда будутъ извле-

каемы изъ ихъ брѣдней. Турки, принявшіе къ себѣ изъ сего вымысла, названнаго Зороастровою магіей, одно постыдное мороченье, дѣлаемое посредствомъ гадательной астрологіи, суть рабы самыхъ низкихъ суевѣрій. Они обыкновенно привѣшиваютъ дѣтямъ своимъ въ колыбели амулетки, таинственныя письмена, кабалистическія рѣчи, и эти-то существа отъ женщинъ, которымъ отдаются на руки, переходятъ прямо въ руки на воспитаніе дервишей, которые, въ невѣжественномъ заблужденіи и въ брѣду своей ложной учености, сбиваютъ разумъ ихъ, напитывая понятіями о религіи, достойной осмѣянія. Съ головою, полною заблужденій, зараженный фанатизмомъ, Турокъ изъ этой школы вступаетъ прямо на театръ свѣта кандидатомъ. Вмѣсто того, чтобы предать себя во власть рока, какъ учатъ его догматы, Турокъ старается всегда проникать въ будущее. Не дѣлаетъ и не предпринимаетъ ничего, не прибѣгнувъ къ толкованіямъ сновъ и къ совѣту чернокнижниковъ. О постройкѣ дома или бесѣдки вопрошаютъ астрологовъ, съ ними совѣтуются въ болѣзняхъ,

ири родахъ, бракахъ, и такимъ образомъ вся нація состоитъ или изъ чародѣевъ, или такихъ, которые почитаютъ себя вдохновенными чародѣйствомъ. Государь и подданные, облеченные властью, не рѣшаются ни на что по собственному произволу, развѣ на убійство или разореніе, потому-что подобныя дѣла почитаются у нихъ маловажными.

Это общественное зло слишкомъ застарѣло и глубоко вкоренилось въ понятіе Турокъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать деспотизмъ, которому они обречены. Жизнь Турокъ есть длинная ночь, раздѣленная между покоемъ и обманчивыми грёзами. Безпорядокъ и несвязность мыслей они перенесли въ свой стиль и въ свои дѣйствія. Турки кочуютъ на землѣ, какъ и прежде; они живутъ для того, чтобы насыщаться, не оставляя по себѣ ничего прочнаго. Послѣ Арабовъ Испанія осталась украшенною великолѣпными памятниками. Мавры созидали, Турки умѣютъ только разрушать! Исключая нѣсколькихъ мечетей, построенныхъ, по повелѣніямъ султановъ, Греками и Армя-

нами, видны повсюду слѣды опустошеній, и на землѣ, ими обитаемой, не останется послѣ ихъ ничего кромѣ нѣсколькихъ общественныхъ фонтановъ и суетной пышности гробницъ.

Образованность Турокъ остается всегда при своихъ началахъ, не дѣлая дальнѣйшихъ успѣховъ въ просвѣщеніи. Книгопечатаніе, составляющее одну изъ самыхъ удивительныхъ эпохъ въ исторіи міра, у Турокъ почти не употребительно; даже изобрѣтеніе это почитается у правовѣрныхъ еретическимъ — они хотятъ читать только рукописныя книги. Однако же не отвергнуты ими порохъ и огнестрѣльныя орудія; можетъ-быть потому, что со временъ Амурата и Магомета II-го, у которыхъ они были въ употребленіи на войнѣ, почитаются Турками какъ національное изобрѣтеніе.

Дѣйствіе бомбъ заключаетъ въ себѣ для правовѣрныхъ такъ много забавнаго и убійственнаго, что нельзя же было народу, дышащему убійствомъ, не ввести ихъ у себя въ употребленіе; почему и въ Турціи есть кор-

пусъ бомбардировъ (компароджіевъ). Но какъ имперія завоевана саблею, то этимъ же оружіемъ Турки хотятъ и защищать ее.

Такъ-какъ въ Турціи не ведется надлежащихъ народныхъ переписей, то кромѣ того, что нѣтъ у нихъ никому прозваній, никто не знаетъ тамъ и лѣтъ своихъ. Турокъ обыкновенно слыхалъ, что онъ родился въ такую-то войну, въ голодъ или моровую язву, (въ Турціи въ лѣтописяхъ деспотизма счисленіе бываетъ только по бѣдствіямъ народнымъ), случившіеся въ такое-то время, и по этому періоду Турокъ начинаетъ считать свои годы. Турецкія женщины со всею заботливостію стараются забывать число своихъ лѣтъ, и потому на вопросъ о лѣтахъ ихъ, они обыкновенно отвѣчаютъ, что о подобныхъ вещахъ они ничего положительнаго не знаютъ. Отъ этой-то безпечности хронологія магометанская весьма сомнительна, тѣмъ болѣе, что и государственные архивы Турокъ представляютъ также сущій хаосъ.

Судебныя опредѣленія, подобно Сивиллинымъ оракуламъ, пишутся на особенныхъ, совер-

менно отдѣльныхъ листахъ. У Турокъ нѣтъ актовъ ни о бракахъ, ни о рожденіи, ни о смерти, и судья, совершающій приговоръ о бракѣ или разводѣ, по совершеніи онаго получаетъ за это свою плату, ни мало не безпокоясь о сохраненіи акта, важнаго для фамиліи.

Въ Турціи осуждаютъ человѣка на смерть съ ужаснѣйшимъ хладнокровіемъ. Ихъ правосудіе, всегда безчеловѣчное, никогда не дѣлаетъ должныхъ изслѣдованій при такихъ весьма важныхъ рѣшеніяхъ; даже визирь часто вѣшаетъ человѣка, не спросивъ его имени. При таковомъ правосудіи въ Турціи можно судить о положеніи христіанъ!

IV.

ВЗГЛЯДЪ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Путешественникъ, знакомый съ Константинополемъ до уничтоженія янычаръ въ Турціи, конечно не узналъ бы его въ настоящее время. Все измѣнилось въ этой столицѣ восточнаго міра подобно наружности ея жителей. Пусть говорятъ, что̀ угодно, о независимости нашихъ внутреннихъ качествъ отъ вліяній вещественныхъ, — характеръ современныхъ Оттомановъ относится, подъ мишурой Европеизма, къ характеру отцовъ ихъ точно такъ же, какъ нынѣшній неуклюжій фесъ къ покинутому ими тюрбану, потомку древней персидской тіары. Изъ тысячи мнѣній о на-

стоящихъ преобразованіяхъ имперіи, самымъ справедливымъ кажется то, которое отказываетъ имъ въ силѣ зиждительной. Плодъ чужеземный, привитый только посредствомъ глубокихъ ранъ народу, богатому сѣмянами преуспѣянія,—не этотъ ли переворотъ поколебалъ напротивъ до основанія колоссальное Османово царство? Еще недавно могучій феодализмъ, опека янычаръ и всего болѣе законъ, олицетворенный въ сословіи улемовъ уравновѣшивали власть султановъ. Порожденные завоеваніемъ деребеи, управляя наслѣдственно своими удѣлами, отличались умѣренностью, свойственной прочному обладанію, и не взирая на возникавшія иногда междоусобія, щадили кровь и достояніе своихъ вассаловъ. Такая система была, безспорно, далека отъ совершенства; но усугубилось ли общественное благосостояніе, когда, желая, сосредоточить всю власть въ себѣ самихъ, султаны замѣнили мало по малу первобытное управленіе новымъ, продавая его съ молотка этимъ ненасытнымъ вампирамъ, которые, подъ именемъ пашей, мушировъ или подъ всякимъ другимъ назва-

ніемъ, начали родниться съ областями только цѣною золота? Это арендаторы правительства, которые жнутъ саблями покупаемый ими край, подметая сокровища его бунчуками.

Въ настоящее время военную и вмѣстѣ религіозную касту янычаръ замѣнила карикатура регулярнаго войска которое движется нынѣ предъ національнымъ равнодушіемъ безъ довѣренности къ вождямъ, полнымъ себялюбиваго сочувствія только съ волей сераля, своей единой отчизны. Чума и недостатокъ военной администраціи почти истощили разсадникъ новаго поколѣнія на эти гигантскіе полки, которыхъ безбородые ратники потрясаютъ сердце зрителя отнюдь не картиною бранной силы, но чувствомъ глубокой жалости; отнюдь не зрѣлищемъ надежнаго оплота монархіи, но предчувствіемъ новаго Голеса, Бейлана, Иконіи. Θеократическое сословіе улемовъ пережило янычаръ и деребеевъ. Но утративъ ихъ содѣйствіе, это θеократическое сословіе въ настоящее время голова безъ туловища. Эти блюстители стараго порядка имперіи сравнялись нынѣ съ другими нахлѣбниками сераля,

обницавъ и религіознымъ, и политическимъ вліяніемъ на народную массу.

Лишенные всякаго одушевительнаго символа и страдательно покорные своему жребію, нынѣшніе Оттоманы кажутся намъ вѣрнымъ подобіемъ кладбища, испещреннаго богатыми памятниками. Ихъ надписи громко повѣствуютъ прохожему о славѣ, ничтожной для ея непробудныхъ любимцевъ. Одинокій вздохъ, безсильный ропотъ—вотъ единственные отголоски минувшаго.

Но вотъ предъ нами голубой Босфоръ, Взгляните на его холмистую оправу изъ Европы и Азіи, которая пробудитъ въ васъ самыя поэтическія воспоминанія. Вотъ предъ вами корабль Аргонавтовъ; вотъ мысъ, называвшійся у Грековъ Фолокдессонъ, а въ эпоху болѣе отдаленную Краснымъ Псомъ (Пиригасъ-Кіонъ) отъ сходства собачьяго лая съ ревомъ напирающихъ на этотъ мысъ волнъ черноморскихъ. Сюда-то примыкалъ мостъ Андрокла-Самосскаго, брошенный изъ противоположной Азіи для переправы въ Скиѳію персидскаго войска. Заложивъ свои твердыни на основаніи храмовъ

Сераписа и Юпитера-Урія, Баязедъ-Ильдеримъ (Перунъ) и Магаммедъ II конечно не вѣдали, что обѣ части свѣта были тутъ же соединены Даріемъ слишкомъ за двадцать вѣковъ до ихъ владычества. Близъ этихъ бѣлыхъ, зубчатыхъ, разрисованныхъ нынѣ мирнымъ плющемъ твердынь, чернѣется, какъ будто для противоположности, густая кипарисовая роща, испещренная мраморными надгробіями. Это одно изъ полей смерти, повсемѣстныхъ кладбищъ и вмѣстѣ гульбищъ оттоманскихъ. Вотъ горныя долины, въ глубинѣ которыхъ бѣлѣются колоссальные водопроводы, чудеса византійскаго зодчества. Вотъ висящія съ косогоровъ луга, вотъ золотистыя нивы коричневыхъ пашенъ, по которымъ яремные волы медленно влекутъ плугъ земледѣльца. Здѣсь вьется по холмамъ виноградникъ между сходящими къ самому морю селеніями, тамъ поникшая византійская или генуэзская башня вѣнчаетъ ихъ разнообразный амфитеатръ, а невдалекѣ бѣлѣется игла деревенскаго минарета надъ темными кипарисами, которыхъ пирамиды столь сумрачны въ сосѣдствѣ съ

веселою тѣнью тіатоновъ. Вотъ пестрая подъ ихъ навѣсомъ кофейня, предъ кофейной фонтанъ, а предъ фонтаномъ нѣсколько живописныхъ фигуръ подъ вліяніемъ благодатнаго кейфа.

Взгляните на этотъ продолговатый мысъ, который изгибается конской подковой между Перой и Скутари постепенно отъ южнаго угла города, образованнаго на Мраморномъ морѣ Семибашеннымъ замкомъ. Видите ли вы эти бѣлыя стѣны, которыми опоясанъ лабиринтъ куполовъ минаретовъ, дворцовъ и башенъ, выходящихъ какъ-будто изъ глубины водъ и пронзающихъ дремучую вершину садовъ, которыхъ исполинскія деревья осѣняютъ изнутри и эти зубчатыя стѣны, и разсѣянныя по ихъ высотамъ бойницы, и мраморные кіоски, и позлащенныя арабески фонтановъ, и цвѣтники, разбросанные по ярко-зеленымъ террассамъ. Эта великолѣпная мѣстность садовъ и строеній, нисходящимъ по отлогому скату къ самой поверхности моря, отдѣляется отъ города высокой, фланкированной башнями, стѣной, которая примыкаетъ, со стороны га-

вани, къ внутренности Стамбула и такимъ образомъ служитъ имъ отчасти общей оградой. Видите ли вы этотъ куполъ, возстающій посреди четырехъ минаретовъ надъ массою обрисованныхъ нами чертоговъ. Взгляните же пристальнѣй: предъ вами храмъ Св. Софіи, предъ вами Сарай-Бурну, первобытный дворецъ султановъ, замѣстившій на первомъ изъ семи холмовъ Цареградскихъ акрополисъ древней Византіи и чертоги восточныхъ кезарей! Видите ли тамъ на небосклонѣ царственную снѣжную вершину, — это Олимпъ, здѣсь Пропонтисъ! Созерцая обаятельную мѣстность такой картины, кто не вспомнитъ, что колыбель нашей вѣры, музей нашей исторической жизни — Византія, которая издревле слыветъ Римомъ народа Русскаго. Проплывите скорѣе мимо дремучаго лѣса мачтъ и выйдите на берегъ Стамбула между главною таможнею и Садовыми Воротами (Бахчи-Капуси), гдѣ, по словамъ Діонисія Византійскаго, существовалъ древній Воморіонъ, или Босфорская Сигма.

Стамбулъ во всѣхъ отношеніяхъ странный, неизобразимый городъ. Что ни взглядъ, то

бѣдность подлѣ истинно-сказочной пышности; что ни шагъ, то кладбище подлѣ кипящаго толпами базара. Есть кварталы, которыхъ все населеніе какъ-будто усыплено жезломъ чародѣя: ни человѣческаго лица, ни движенья, ни шороха вдоль зіяющей, часто загроможденной обломками улицы! Только распростертые ковры собакъ безъ хозяевъ и безъ пріюта по одру никогда неизсякающей грязи; только молитвенный съ минарета голосъ, котораго звуки печальны средь мертвой тишины, какъ стонъ отдаленнаго вѣтра!... И все это вѣетъ какимъ-то могильнымъ воздухомъ, ноетъ въ глубинѣ сердца и сообщаетъ убаюканнымъ подъ конецъ мыслямъ хладъ и предвкусіе вѣчности ... Между пріобыкшими къ владычеству Оттоманами — нѣмая торжественность нравовъ и, вмѣсто воли, безусловная вѣра въ предопредѣленіе; между райями все таже Византія, осадка нечистотъ древняго міра, перешедшая изъ трупа имперіи въ сердце ея достойныхъ потомковъ; между народомъ бродягъ, величаемыхъ Европейцами, или Франками — отсутствіе всякой общественной связи и скопище микроскопическихъ

выгодъ, которыя кипятъ и роятся во мракѣ, какъ черви подъ гробовою крышкою. Вотъ бѣглый очеркъ Стамбула, вотъ главныя черты его жителей!

Прибавьте къ тому наслажденья чумы, которой возвратъ почти столь же постояненъ, какъ неизмѣнная чреда лѣта и осени, и представьте себѣ какъ легки и отрадны при всемъ этомъ связи общественныя, сотканныя въ дополненіе напасти этикетомъ и принужденностью, восходящія не рѣдко до идеала нелѣпости. Лучшій тонъ общества основанъ на этой умозрительно-тонкой таинственности, которая паритъ надъ атомами и гордится исключеніемъ всякой обязательности, сближающей между собой у насъ ея членовъ. Дипломаты суть брамины Оттоманской столицы; ея паріи вся остальная смѣсь племенъ и наръчій, которыя

Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Туда стеклися для стяжаній....

Смѣшное всѣхъ странъ, церемоніалъ всѣхъ дворовъ, всѣ роды суетности и честолюбія, перенесенныя въ каррикатурѣ изъ Европы

аристократической кастою. члены этого достопочтеннаго общества заботятся, по выраженію одного путешественника, другъ о другѣ отнюдь не больше встрѣчающихся на дорогѣ проѣзжихъ; и потому-то эгоизмъ самый утонченный ходитъ объ руку съ невѣжествомъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Возстановленіе Греціи увлекло съ береговъ Босфора послѣднія отпрыски Фанаріотовъ, тѣхъ византійскихъ бояръ, которыхъ пронырство и честолюбіе вторглись дотолѣ въ Диванъ, располагали явно и тайно его политикой и оканчивали обыкновенно свое излучистое поприще отъ петли Каподжи на княжескихъ престолахъ Молдавіи и Валахіи. Есть въ Константинополѣ еще одинъ пометъ, смѣсь византійской черни съ матросами Гэнуи, распространившей, въ послѣднія годы имперіи, свое владычество надъ ея столицей и по берегамъ Чернаго моря. Теперь нѣсколько семействъ, проистекшихъ отъ столь выспренняго союза, связаны всѣ больше или меньше близкимъ родствомъ другъ съ другомъ. Говоря словами остроумнаго Гаммера, ихъ можно

описывать только по системѣ Борновой монокологіи, какъ совершенно особый родъ насѣкомыхъ. Пріемыши благосклонной всесвѣтнымъ бродягамъ Перы, эти насѣкомыя называются Перотами. Граждане безъ отечества, Византійцы по безнравственности, мѣщане среднихъ временъ по самодовольному невѣжеству, смѣсь лицемѣрнаго ханжества и грубо-вещественной набожности, хранители тѣхъ неисповѣдимыхъ интригъ, которыми старожилы дипломатическаго міра силятся до сихъ еще поръ продолжать эру обветшалаго макіавелизма и ничего незнающихъ тонкостей, Пероты присвоили себѣ, тому назадъ около двухъ столѣтій, исключительное право на второкласныя мѣста при всѣхъ европейскихъ посольствахъ.... Драгоманы посольствъ Пероты почитаютъ себя душой дипломаціи. Не рѣдко случается, что изъ членовъ одного и того же семейства одинъ служитъ Англіи, другой Франціи, производя такимъ образомъ мѣновой торгъ тайнами кабинетовъ, которыхъ политическіе виды бываютъ столь часто противоположны другъ другу.

Переступивъ Бахчи-Капуси, высокія каменныя ворота, вы видите предъ собой имаретъ (скудельницу) султана Абдулъ Гашида съ примыкающими къ нему академіей и библіотекой. Нѣсколько шаговъ приводятъ васъ къ тюрбе (надгробному памятнику) основателя. Здѣсь покоится онъ посреди двухъ злополучныхъ своихъ преемниковъ—Селима III и Мустафы VI. Эти надгробные, большею частію мраморные памятники воздвигаются при жизни почти каждымъ султаномъ для него и для его семейства. Они поражаютъ васъ красотой арабскаго зодчества, смѣлостію своихъ увѣнчанныхъ золотой луной куполовъ, своими стрѣльчатыми окнами, которыхъ нижній ярусъ загражденъ желѣзной рѣшеткой, а верхній блещетъ узорчатыми, разноцвѣтными стеклами. За такой же рѣшеткой зеленѣется небольшой, примыкающій къ мавзолею садъ, въ тѣни котораго пестрѣютъ гробницы родственниковъ основателя. Въ Константинополѣ, въ настоящее время, считается восьмнадцать султанскихъ тюрбе.

Отъ противоположнаго мраморнаго фонтана, который останавливаетъ васъ на минуту изящной легкостью своего стиля, узкая длинная улица ведетъ васъ къ стѣнамъ серальскимъ. Чрезъ нѣсколько шаговъ развертываются предъ вами эти сѣрыя, зубчатыя стѣны съ выдающимися по ихъ протяженію четвероугольными башнями, надъ которыми зеленѣются изнутри сосны и кипарисы садовъ серальскихъ, а снаружи купы плакучихъ ивъ и платановъ. Слѣдуя вдоль параллельнаго имъ ряда красныхъ турецкихъ домиковъ, вы чрезъ минуту видите себя предъ высокой Портой, ореопагомъ верховнаго визиря и гнѣздомъ оттоманской политики. Перешагнувъ надворный китайскій навѣсъ, вы проходите обширный дворъ, и поднявшись по наружной лѣстницѣ, вступаете въ огромную, устланную рогожами, залу, которой вся меблировка заключается въ высокомъ красномъ диванѣ, господствующемъ вдоль главной стѣны трибунала. Примыкающій къ нему корридоръ перерѣзанъ небольшими, занавѣшенными сукномъ комнатами, гдѣ, какъ въ таинственныхъ нишахъ, работаютъ

поодиначкѣ чалмоносные эффенди съ челомъ, обремененнымъ всѣми канцелярскими тучами.

Подвинувшись еще нѣсколько шаговъ впередъ, вы находитесь предъ одними изъ садовыхъ воротъ серальскихъ Воздвигнутыя султаномъ Ибрагимомъ, они называются, отъ небольшаго сосѣдняго фонтана, вратами Холоднаго Источника (Саукъ-Чесме-Капуси). Здѣсь предъ вами возникаетъ храмъ Св. Софіи, а на углу улицы возвышаются его мраморныя ворота съ золотою турецкою надписью. Отсюда развивается нынѣшняя серальская площадь, окруженная къ западу Софійскимъ соборомъ съ примыкающими къ нему лавочками, къ сѣверу серальскими воротами и нисходящими къ самой равнинѣ Мраморнаго моря стѣнами, которыя въ этомъ мѣстѣ живо напоминаютъ физіономію нашего Московскаго Кремля, своего бѣлокаменнаго потомка.

Минувшія колоссальныя событія какъ-будто оживаютъ для васъ при видѣ этой исторической площади. Ихъ давно исчезнувшіе виновники предстаютъ поочередно душѣ во всемъ своемъ старинномъ блескѣ и сумракѣ. Взирая

на эту тѣсную, нѣкогда столь обширную площадь, вы невольно восклицаете: это-ли древній Августеонъ, — это-ли самый обширный изъ византійскихъ форумовъ? Здѣсь-ли воздвигались уцѣлѣвшіе остатки язычества, эти сокровища генія, которыя стеклись по манію властителя Римскаго міра изъ богатѣйшихъ областей Греціи и Малой-Азіи для украшенія его новой столицы? Трофеи достопамятныхъ браней, предметы религіознаго поклоненія, драгоцѣнныя изваянія боговъ и героевъ, мудрецовъ и поэтовъ древности были уступлены Римомъ и Аѳинами, Антіохіею и множествомъ другихъ городовъ царственному Константинополю.

Къ числу этихъ древностей безспорно принадлежала порфировая колонна, возвышавшаяся на 120 футовъ съ своего бѣломраморнаго подножія. Колонна эта была увѣнчана колоссальной бронзовой статуей, искажена въ царствованіе Алексѣя Комнина пламенемъ и слываетъ до сихъ еще поръ у Турокъ обгорѣлой колонною. Колонна эта была воздвигнута на семиступномъ подножіи Константиномъ Вели-

кимъ въ честь его матери. Колонна эта два раза перемѣняла украшавшія ея изваянія. Первоначальную Еленину статую замѣнилъ императоръ Ѳеодосій своею, вилвъ ее изъ чистаго серебра, вѣсомъ въ 7,040 фунтовъ. Императоръ Юстиніанъ превратилъ эту послѣднюю въ свою собственную и посадилъ ее на коня, вылитаго изъ бронзовой черепицы. Впослѣдствіи колонна эта, на мѣстѣ которой журчитъ теперь бѣдный турецкій фонтанъ, вошла въ составъ Сулейманской мечети слишкомъ за тридцать лѣтъ до истребленія возвышавшейся на ней конной Юстиніановой статуи, а эта послѣдняя валялась до тѣхъ поръ на первомъ дворѣ сераля, пока Туркамъ не вздумалось надѣлать изъ нея пушекъ въ своей топханской литейнѣ. Sic transit gloria mundi!

V.

ДРЕВНОСТИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Храмъ Св. Софіи.

Великолѣпный храмъ Св. Софіи началъ строить за долго еще до кончины своей Константинъ Великій; сынъ его Констанцій довершилъ его. Церковь Св. Софіи горѣла нѣсколько разъ, между прочимъ въ то время, когда противники Іоанна Златоустаго сожгли въ ней всѣхъ, кто не соглашался на изгнаніе его. Ѳеодосій возобновилъ ее въ бо̀льшемъ размѣрѣ, а Юстиніанъ построилъ совершенно вновь, употребляя для того 17 лѣтъ всѣ доходы Египта. Онъ перевезъ изъ Малой-Азіи

съ Архипелажскихъ острововъ и даже изъ Галліи лучшіе мраморы; восемь порфирныхъ колоннъ взяты изъ храма Солнца, построеннаго императоромъ Авреліаномъ, и посвящены Св. Софіи одной римскою дамой. Другія восемь, изъ зеленой яшмы, присланы были императору эфесскими градоначальниками. Народъ Греческій съ самаго начала построенія этого храма. имѣлъ къ нему особенно набожную привязанность и привыкъ видѣть въ немъ палладіумъ своей столицы; и теперь еще вся надежда бѣдныхъ Грековъ въ Константинополѣ, всѣ ихъ ожиданія стремятся ко дню, въ который услышатъ въ ней свою литургію.

Общій видъ храма представляетъ греческій крестъ; длина его отъ востока къ западу 270 футовъ, ширина отъ сѣвера на полдень 240 футовъ. Кромѣ трапезы, въ ней находится еще отдѣленіе, въ которомъ стояли оглашаемые во время совершенія тайнъ. Въ соборъ вели девять бронзовыхъ воротъ, украшенныхъ барельефами; 40 колоннъ изъ разнаго камня, болѣе или менѣе драгоцѣннаго, под-

держивали 60 другихъ колоннъ, украшавшихъ хоры, называемые у Грековъ *гинетикомъ*, потому-что во время богослуженія на нихъ присутствовали однѣ женщины.

Куполъ, съ двумя полукуполами и шестью меньшими куполами, почитается превосходнымъ произведеніемъ архитектуры. Онъ утвержденъ на четырехъ огромнѣйшихъ столбахъ, соединенныхъ между собою большими дугами и скрѣпленныхъ еще восемью гранитными колоннами. Между 24-мя довольно узкими окнами храма сдѣланы изъ мозаики арки, которыя суживаются до самой его вышины. Плоскость свода такова, что онъ не имѣетъ болѣе десяти футовъ высоты, хотя храмъ отъ помоста до ключа возвышается на 165 футовъ, а въ діаметрѣ купола 105 фут.

Въ то время, когда еще была церковь Св. Софіи посвящена христіанскому богослуженію, для нея одной опредѣлено было до 900 священниковъ и прочаго причета. На содержаніе ихъ императоръ Юстиніанъ назначилъ болѣе милліона рублей годоваго дохода. Тогда здѣсь, какъ и въ нашемъ Успенскомъ

соборѣ, было по одну сторону мѣсто для императора, а по другую для патріарха.

Многіе европейскіе писатели увѣряли, будто Магометъ II, по взятіи Константинополя, въѣхалъ въ соборъ Св. Софіи верхомъ на лошади, но это совершенно несправедливо: Магометъ сошелъ съ лошади, вошелъ въ храмъ и остановился, пораженный его величіемъ, богатствомъ и красотою; онъ даже ударилъ одного изъ своихъ воиновъ, который осмѣлился коснуться мраморнаго помоста. Онъ осмотрѣлъ храмъ подробно, съ низу и доверху, и потомъ велѣлъ начать богослуженіе по своему обряду (*). Послѣ молитвы поставили алкоранъ въ магорабъ (**), императорское мѣсто было оставлено для султана, а патріаршее для муфтія.

(*) Гаммеръ въ своей исторіи Оттоманской имперіи.

(**) Родъ шкафа.

ЦЕРКОВЬ СВ. АПОСТОЛЪ И ХРАМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

Другая не менѣе замѣчательная церковь въ Константинополѣ, это церковь Св. Апостолъ, бывшая на мѣстѣ нынѣшней Сейрейской мечети. Церковь эта построена Константиномъ Великимъ и украшена потомъ императоромъ Юстиніаномъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что она ничѣмъ не уступала храму Св. Софіи. Изъ описанія Евсевія видно, что расположеніемъ своимъ она сходствовала съ нынѣшними султанскими мечетями. Предъ нею, точно такъ же, какъ и предъ мечетями, былъ обширный дворъ, окруженный портиками; вокругъ двора были устроены публичныя школы, купальни, жилища для церковно-служителей. Въ ней погребенъ Константинъ Великій. Тѣло его было положено въ золотую раку и опущено въ прекрасную порфировую гробницу; нынѣ показываютъ обломки этой гробницы, выброшенные близъ Сейрейской мечети, оставленные на поруганіе черни.

Храмъ Пресвятыя Богородицы, построенный Михаиломъ Дукою. (Въ настоящее время *Мечеть Завоевателя*) Въ немъ покоились прежде тѣла многихъ императрицъ и императоровъ Комненова и Палеологова рода. Между ними находилась гробница Анны Комненой, и была въ дорогомъ саркофагѣ, подъ императорскими орлами. Здѣсь же находился гробъ послѣдняго князя дома Палеологовъ. По обращеніи этого храма въ мечеть, всѣ царскія гробницы были изъ него выброшены.

ИППОДРОМЪ. (*)

Ипподромъ, по-турецки Этмейданъ, начатъ былъ императоромъ Северомъ и оконченъ Константиномъ. Въ постройкѣ его подражали большому римскому цирку. Два ряда колоннъ, поставленные одинъ надъ другимъ, на широкомъ подножіи, составляли его окружность. Мраморныя статуи служили ему

(*) *Конная площадь.*

украшеніемъ. Тутъ были статуи и императоровъ, и отличныхъ бойцевъ древняго Рима. Особенно замѣчательны бывшіе здѣсь четыре бронзовые коня, привезенные изъ Рима, тѣ самые, которые были увезены потомъ въ Венецію, а изъ нея Наполеономъ въ Парижъ, откуда возвратились опять въ Венецію, гдѣ находятся и до нынѣ. Здѣсь совершился тріумфъ побѣдителя Африки и Вандаловъ, великаго Велизарія, и вскорѣ потомъ, если вѣрить преданіямъ, у подножія тѣхъ же памятниковъ, столько разъ спасенныхъ рукой его, онъ просилъ милостину.

Для теперешняго Ипподрома осталось только 250 шаговъ въ длину и 150 въ ширину. Таково нынѣшнее величіе Ипподрома!

VI.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Константинополь, съ самаго начала основанія своего, назывался *Византіей*. До взятія онаго Магометомъ II, въ 1453 году, Константинополь былъ въ осадѣ 29 разъ, и въ томъ числѣ восемь разъ взятъ непріятелемъ.

1. Въ 477 году до Р. Х., послѣ Платейскаго сраженія, осажденъ Павзаніемъ Лакедемонскимъ и взятъ.

2. Въ 410 году Алкивіадомъ Аѳинскимъ (взятъ).

3. Въ 347 году до Р. Х. Леономъ, военачальникомъ царя Филиппа Македонскаго.

4. Въ 197, послѣ Р. Х., въ царствованіе императора Септимія Севера (взятъ).

5. Въ 313 году по Р. Х. Цезаремъ Максиміемъ.

6. Въ 315 году императоромъ Константиномъ Великимъ (взятъ).

7. Въ 616 году царемъ Хозроемъ Персидскимъ.

8. Въ 626 году, Коганомъ Аварцомъ.

9. Въ 654 году Сарацинами, подъ предводительствомъ Моависа, военачальника халифа Алія, въ царствованіе Констанція III.

10. Въ 667 году, Язидомъ, сыномъ Моависа.

11. Въ 672 году, Софіанъ-Бенъ-Ауфомъ, полководцемъ Моависа.

12. Въ 715 году, Мушемою и Омаръ-Абдулъ-Агизомъ, сыновьями халифа Мервана.

13. Въ 739 году, Сулейманомъ, сыномъ халифа Абдиль-Мелена.

14. Въ 764 году. Паганосомъ, королемъ Болгарскимъ, въ царствованіе Константина V.

15. Въ 790 году, халифомъ Гарунъ-Аль-Рашидомъ, при императорѣ Львѣ IV.

16. Въ 798 году, Абдулъ-Мелекомъ, военачальникомъ халифа Гарунъ-Аль-Рашида.

17. Въ 811 году Крумомъ, деспотомъ Славянскимъ.

18. Въ 820 году, Ѳомою Словеномъ, въ царствованіе Михаила Косноязычнаго.

19. Въ 866 году Славяно-Русскими князьями Кіева: Аскольдомъ и Диромъ.

20. Въ 914 году, Симеономъ, королемъ Болгарскимъ.

21. Въ 1048 году, Ѳорникіемъ, мятежникомъ, при императорѣ Михаилѣ Мономахѣ.

22. Въ 1081 году императоромъ Алексѣемъ Комниномъ (взятъ).

23. Въ 1204 году, Крестовыми Рыцарями (взятъ).

24. Въ 1265 году, императоромъ Михаиломъ Палеологомъ (взятъ).

25. Въ 1390 году султаномъ Баязедомъ Ильдерикомъ.

26. Въ 1407 году тѣмъ же султаномъ.

27. Въ 1414 году Муссою, сыномъ султана Баязеда.

28. Въ 1422 году султаномъ Мурадомъ II, сыномъ Магомета.

29. Въ 1453 году султаномъ Магометомъ II взятъ 29 мая.

VII.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ТУРЦІИ.

Турція граничитъ съ Россіею, Трансильваніею, Венгріею, Далмаціею, Адріатическимъ и Средиземнымъ морями, Греціею, Архипелагомъ и Чернымъ морями. Пространство отъ 9 до 10,000 кв. миль. Земля большею частію возвышенная. Отрасли Альповъ простираются до Чернаго моря и до предѣловъ Греціи. Равнинъ мало. Главная цѣпь горъ называется *Балканомъ*. Въ сѣверо-восточной части низменности много полуостроововъ и заливовъ въ Архипелагѣ. Полуострова: *Галлиполи* и *Аѳонской* или Святой *Горы (Monte Santo)*. Мысы: *Эмине* на Черномъ морѣ, *Лингета* и *Редоно* на Адріатическомъ морѣ. Проливы *Константинопольскій* (Босфоръ) и *Дарданельскій*. *Мраморное море* Заливы: *Контесса*, *Солунскій*, *Воло*, *Арта*; лиманъ Дрины. Земля почти вездѣ плодоносная, но худо обработана. Горы покрыты лѣсами. По берегу Дуная болота.

Рѣки. Къ сѣверу отъ Балкана протекаетъ Дунай и принимаетъ въ себя рѣки: *Алуту*, *Домбровицу*, *Серетъ*, *Саву*, *Мораву*, *Тимонъ* и *Искеръ*. Въ Архипелагъ текутъ: *Марица*, *Струма*, *Вардаръ*, *Быстрицъ* и *Саламбрія*. Въ Адріатическое море: *Аспро-Потамо* и *Дрина*. Озеро *Янинское*.

Владѣнія турецкаго султана находятся въ трехъ частяхъ свѣта: Европѣ, Азіи и Африкѣ. Европейская Турція раздѣляется на шесть собственно турецкихъ, провинцій: *Румелія*, *Булгарія*, *Боснія*, *Албанія*, *Македонія* и *Θессалія*, къ которымъ принадлежатъ острова *Архипелага*, и на земли, платящія дань турецкому султану, кои суть: *Валахія*, *Молдавія* и *Сербія*.

Важнѣйшіе города. Въ Румеліи: *Константинополь*, или *Царьградъ*, по-турецки *Стамбулъ*, въ древности Византія, лежитъ на берегу Босфора, имѣетъ 500,000 жителей, гавань, Сераль, или султанскій дворецъ; предмѣстія — Пера, Галата и Фанарь; торговля. — *Адріанополь*, на Марицѣ, со 100,000 жителей;

шелковыя фабрики, торговля опіумомъ и розовою эссенціею. — *Филиппополь*, на Марицѣ, со 100,000 жит. — *Кирклисси*, съ 80,000 жителей. — *Бургасъ*, приморскій городъ. — *Селиврія*, *Родосто* и *Галлиполи*, важные приморскіе города при Мраморномъ морѣ. — Старыя и Новыя *Дарданеллы*. — *Эносъ*, съ гаванью, при Архипелагѣ. — Въ Болгаріи: *Софія*, на Искерѣ, съ 500,000 жителей. — Крѣпости: *Видднь*, *Никополь*, *Русчукъ* и *Силистрія*, на Дунаѣ. — *Мангалія*, портъ при Черномъ морѣ. — *Варна*, приморскій городъ и крѣпость. — *Шумла*, крѣпость у подошвы Балкана. — Въ Босніи: *Сараево*, на Боснѣ, съ 60,000 жителей; желѣзные рудники и фабрика. — *Травникъ* и *Зворникъ*. — Въ Албаніи: *Скутари*, съ 15,000 жителей. — *Дураццо*, *Дульциньо*, *Авлона*, *Парга*, *Арта*, приморскіе города. *Превеза*, крѣпость при Аргскомъ заливѣ. — *Янина*, съ 30,000 жителей, на берегу озера. — Близъ Албаніи лежитъ въ горахъ область *Черная-Гора* (Monte-Negro), обитаемая славянскимъ племенемъ греческаго исповѣданія. — Въ Македоніи: *Солоники*, или *Солунь*, съ 76,000 жителей, при

морскомъ берегу, торговый городъ. *Сересъ*, съ 30,000 жителей, Шелководство.— Въ Оессаліи: *Энишеръ*, на Саламбріи, съ 20,000 жителей; красильни. — *Воло*, приморскій городъ.

Острова въ Архипелагѣ: *Тазосъ*, *Самоѳраке*, *Сталимене*, *Кандія* съ 300,000 жителей. Города: *Кандія*, *Ретимо*, *Канея*.

Провинціи, зависящія отъ Турціи и состоящія подъ покровительствомъ Россіи: 1) *Сербія*. въ которой города *Бѣлградъ*, на Дунаѣ и Савѣ, съ 30,000 жителей. *Семендрія*, на Дунаѣ, съ 10,000 жителей. *Крагоевецъ*. *Шабацъ* (крѣпость) на Савѣ. *Пассаровичъ* на Моравѣ. — 2) *Валахія*, въ которой города: *Бухарестъ* на Домбровицѣ, съ 50,000 жит.— *Браиловъ* и *Журжа*, бывшія крѣпости на Дунаѣ. *Крайова*, въ Малой-Валахіи.—3) *Молдавія*, въ которой города: *Яссы*, съ 30,000 жителей, и *Галацъ* на Дунаѣ, торговый городъ.

Азіатская Турція граничитъ къ сѣверу съ Чернымъ моремъ, къ востоку съ Персіею, къ

югу съ Пустынною Аравіею, а къ западу съ Архипелагомъ. Примѣчательнѣйшія рѣки: *Тигръ* и *Эвфратъ*.

Африканская Турція граничитъ къ сѣверу съ Средиземнымъ моремъ, къ западу съ Триполи, къ югу съ Абиссиніею и Нубіею, а къ востоку съ Суэзскимъ перешейкомъ и Чернымъ моремъ. Знатнѣйшая рѣка Нилъ.

Турція Азіатская раздѣляется на Восточную и Западную. Восточная содержитъ въ себѣ: 1) *Иракъ-Араби*, или *Халдею*, гдѣ знатнѣйшее мѣсто *Багдадъ*; 2) *Діарбекиръ*, или старую *Месопотамію*, гдѣ *Діарбекъ* и *Мосулъ*; 3) *Курдистанъ*, или *Ассирію*; 4) *Туркоманію*, или Великую Арменію, гдѣ главные города: *Эрзерумъ*, *Ванъ* и *Карсъ*.

Западная Турція въ Азіи содержитъ: 1) Часть Каменистой и Пустынной Аравіи, гдѣ главный городъ *Боссора*; 2) Палестину и Сирію, гдѣ *Іерусалимъ*, *Дамаскъ*, *Триполи* и *Алеппо*, и наконецъ Анатолію, или Малую-Азію.

Турціо въ Африкѣ составляетъ Египетъ, раздѣляющійся на три части: на Нижній, гдѣ важнѣйшія мѣста суть: *Каиръ*, *Александрія* и *Даміетта*; на Средній, гдѣ главный городъ Суэзъ, и на Верхній.

Въ Турціи правленіе деспотическое. Императоръ турецкій называется у подданыхъ своихъ падишахомъ, а въ Европѣ султаномъ.

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Начертаніе турецкой исторіи. 5
II. О характерѣ Турокъ. 60
III. Обычаи, дізттика ,суевѣрія, общественное состояніе Турокъ. 71
IV. *Взглядъ на Константинополь.* 81
V. Древности Константинополя. 97
VI. Историческое замѣчаніе. 104
VII. Географическія свѣдѣнія о Турціи. . . . 108